

МАХАБХАРАТА

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

СТРИПАРВА ИЛИ КНИГА О ЖЕНАХ

Перевод С. Л. Невелевой и Я. В. Василькова

СКАЗАНИЕ О СКОРБИ

Глава 1

Джанамеджая сказал:

Когда пал Дурьодхана и все войско было перебито, что предпринял, прослышав (об этом), великий царь Дхритараштра, о подвижник? Также Сын Дхармы, благородный царь из рода Куру, и те трое, во главе с Крипой, — что они предприняли? (Мы уже) знаем о деянии Ашваттхамана, о взаимно наложенных проклятиях; расскажи о том, что случилось после! О чем (еще) рассказывал Санджая?

Вайшампаяна сказал:

Потеряв сотню сыновей, Дхритараштра, сжигаемый тоской по ним, был подобен древу с обрубленными ветвями. Приблизившись к поглощенному горестной думой, отрешенному и безмолвному великому духом владыке, многомудрый Санджая сказал такое слово: «Что ты печалишься, о великий царь! Нет пользы в печали! Восемнадцать акшауhini истреблено, о владыка народа! Обезлюдела земля, вся нынче опустела! Владыки людей, собравшиеся со всех концов света, из разных стран, — вместе с сыном твоим пошли на смерть. Для отцов, сыновей, внуков, родичей, друзей, наставников — исполни в должном порядке заупокойные обряды!»

Вайшампаяна сказал:

Те горькие слова услышав, скорбя о гибели сыновей и внуков, непреклонный (царь вдруг) пал на землю, словно дерево, сломленное ветром.

Дхритараштра сказал:

Потеряв сыновей, советников, всех близких, — буду я ныне, горемычный, скитаться по этой земле! На что теперь жизнь мне — потерявшему родичей, подобному старой птице, которой подсекли крылья! Лишенный царства, друзей, так же как и зренья, — я не (смогу более) снять (величием), как солнце не станет сиять, если лишит его лучей! Не послушал я дружеских советов ни сына Джамадагни, ни Нарады — божественного мудреца, ни Кришны Двайпаяны. Ведь Кришна посреди собрания указывал мне, в чем мое благо: «Хватит вражды, о царь! Усмири сына!» Не послушал я, глупый, того совета, и теперь жестоко страдаю; не внял я и праведному речению Бхишмы! Когда слышу о гибели Дурьодханы и реवेशего, как бык, Духшасаны, о злосчастии Карны, о закате солнца-Дроны — сердце мое разрывается! Не припомню, о Санджая, что я прежде совершил столь скверного, за что ныне приходится мне, глупцу, пожинать такой плод! Должно быть, чем-то погрешил я в прежних рождениях, за что Установитель и связал меня с делами столь злосчастными! (Преждевременный) закат моих дней, а также гибель всех родных, друзей и близких — это пришло ко мне по вмешательству судьбы: есть ли на земле человек несчастнее меня? Так пусть увидят ныне Пандавы, как я, приняв твердое решение, открыто вступаю на долгий путь, ведущий к миру Брахмы!

Вайшампаяна сказал:

В ответ на эти причитания Индры людей, поглощенного великой скорбью, Санджая молвил ему, чтобы прогнать тоску, такое слово: «О царь, гони прочь печаль! Ведь ты слышал установления Вед, (слышал) шастры и агамы из уст старцев (и знаешь), что сказали некогда подвижники Сринджае, терзавшемуся скорбью о сыне! Когда сын твой впал в гордыню, его младостью рожденную, ты не принял, о царь, совета, данного друзьями; из-за алчности ты, жаждущий (поскорее обрести) плод, не сделал (того, в чем было истинное) твое благо. Советниками при тебе были Духшасана да злобный Радхей, порочный Шакуни, дурномыслящий Читрасена да Шалья, который весь мир превратил в острое копье (против кауравов). Этот сын твой не внял словам старшего в роде Куру — Бхишмы, а также Гандхари и Видуры. Дхарму несколько не почитал, а на устах всегда одно: „Война!“ — и вот все кшатрии истреблены, а слава врагов твоих лишь возросла. Выступив в роли посредника, ты не изрек нужного слова; взвалив на себя бремя, не сумел нести его ровно. С самого начала следует поступать достойно, чтобы потом не раскаиваться в сделанном ранее. Из-за привязанности к сыну ты стремился (прежде всего) ему угодить; теперь, когда пришла расплата, не скорби и не жалуйся. Тот, кто, лишь мед вида, не замечает бездны (под собой), потом, когда из-за алчности своей к меду сорвется (в бездну), так же точно скорбит, как и ты, господин! Не обретает скорбящий житейских благ, не находит счастья; не знает скорбящий удачи, не достигает высшего (удела).

Можно ли назвать мудрым того, кто сперва раздувает огонь, прикрывая его (от ветра краем своей) одежды, а потом, обжегшись, сокрушается! Ты же и сыновья твои ветром своих речей раздували и маслом алчности поливали жаркое пламя (гнева) сынов Притхи. В этот костер и попадали твои сыновья, словно мотыльки. О них, сожженных Пламенем Кешавы, ты не должен скорбеть! То, что ты, царь, ходишь с лицом, залитым слезами, — не допускается шастрами, не одобряют этого мудрые. Ведь, словно искры, (слезы) сжигают этих сыновей Ману: обуздай же гнев разумом, возьми себя в руки!»

Так утешал его великий духом Санджая. После этого с глубоким умыслом вновь повел свою речь Видура, о притеснитель недругов!

Такова в великой «Махабхарате» в «Книге о женах» первая глава.

Глава 2

Вайшампаяна сказал:

Вот слушай, что сказал Видура сыну Вичитравирьи словами, подобными амрите, облегчая его страдания.

Видура сказал:

Восстань, о царь! Что возлежишь? Возьми себя в руки! Ведь таков приговор всем смертным, (всему) движущемуся и недвижимому. Конец всему, что составилось из частей — распад, конец всех возвышений — падение, конец всякой связи — разлука, а конец всякой жизни — смерть. Раз и героя и труса все равно уведет с собой Яма, то с чего бы тогда — о бхарата, бык среди кшатриев — тем кшатриям уклоняться от битвы? Этот не сражается — однако умирает, а тот сражается — и остается жив; но кому пришло (назначенное) Время — тому уж не спастись, о великий царь! И об этих, погибших в битве, ты не должен печалиться: ведь если шастры есть в самом деле средство достоверного познания — то они ушли высшим путем! Ведь они все прилежно учили Веде, все следовали благим обетам, все приняли смерть, сражаясь лицом к (врагу): что же здесь оплакивать! Из незримого они явились, в незримом вновь ушли; они — не твои, и ты — не их; так что же здесь оплакивать! Ведь убитый обретает небо, а убивший — славу; и то и другое для нас многоценно; в бою никто не остается без плода. Индра направит их в такие миры, где исполняются все желания; они будут гостями Индры, о муж-бык! Ни жертвоприношения с обильными раздачами даров, ни аскетизм, ни путь познания не приводят смертных так (верно) в небесный мир, как геройская гибель в битве.

Тысячи отцов и матерей, сотни сынов и супруг явлены в этой сансаре, (но) — чьи они? Чьи мы? Тысячи поводов для скорби, сотни поводов для печали изо дня в день обуревают глупца — но не ученого. Для Времени, о достойнейший из куру, нет ни милого, ни ненавистного; и безразличным оно ни к кому не бывает — всех равно уносит Время. Не вечны жизнь, красота, (не вечны) обладание богатством, здоровье, союз любящих — ученый человек да не прельстится никогда ничем из этого! Одному человеку не следует скорбеть и о бедствии всей страны, хотя бы оно даже грозило гибелью; ибо скорбью этого все равно не отвратить! Если кто видит

(грозящую) напасть, пусть противодействует ей, но не скорбит. От беды (одно) лекарство — не думать о ней; ведь если сосредоточиться помыслами на беде, она не то что не приуменьшится, а еще возрастет. При соединении с неприятным, при разлучении с приятным — предаются сердечной скорби лишь люди скудоумные. У того, кто скорбит, нет ни прибыли, ни духовной пользы, ни чувственной радости; теряет он смысл деятельности, отпадает от трех целей жизни. Деля всех окружающих по степени их богатства, томясь неудовлетворенностью, люди помрачаются в сознании; удовлетворенности достигают лишь мудрые. Болезнь сознания врачевать надо знанием, как болезнь телесную — целебными травами; но это по силам только знанию, простакам же никогда не достичь отрешенности. Спит с человеком спящим, стоит со стоящим, бежит за бегущим прежде им свершенное деяние. В каком состоянии дурное или доброе содеял человек, в таком состоянии плод того (дела) и вкушает.

Такова в великой «Махабхарате» в «Книге о женах» вторая глава.

Глава 3

Дхритараштра сказал:

Изящные речения, о многомудрый, прогнали мою печаль! Но я хотел бы еще и еще внимать словам истины. Как именно избавляются люди в этом мире от страданий сознания, кои порождены сочетанием с нежеланным и отлучением от желанного?

Виатура сказал:

По мере того, как и радость и страдание перестают осознаваться, мудрый, достигнув умиротворенности, обретает благодатную участь. Весь этот умопостигаемый мир не вечен, о муж-бык: он подобен стволу бананового деревца, лишен твердой основы. Ученые люди говорят, что тела смертных подобны домам, из которых Время (рано или поздно их) выселяет; один лишь дух вечен! Как человек, сбросив с себя одежду — совсем износившуюся или еще прочную, — выбирает другую, так и с телами воплощенных. Новую обитель, дурную или благодатную, обретают существа в этом мире только в силу собственных прежних деяний, о сын Вичитравирьи! По деяниям своим обретает (человек) небо, (а на земле -) блаженство или страдание, о бхарата; желая того или не желая, несет он свое бремя.

Как из глиняных сосудов один разваливается, будучи лишь помещен на круг гончара, другой — во время формовки, третий — сразу после формовки, или при отделении от круга, или в момент, когда его снимают с круга наземь, или когда уже снят; будучи сырым, или сухим, или во время обжига; будучи опускаем в печь или поднимаем из нее, а другой, наконец, разваливается уже при употреблении — вот так и с телами воплощенных, о бхарата! Одни — еще в утробе, другие — сразу, как рождаются на свет, третьи — днем позже; двухнедельные и кому ровно месяц разваливаются, годовалые, двухгодовалые, достигшие юности, зрелости, старости — все приходят к гибели. Благодаря своим прежним поступкам существа рождаются или гибнут; так (обстоят дела) в этом природном мире: о чем же ты сокрушаешься!

Как бывает, что некое существо забавы ради, плаывая в воде, то всплывет, то вновь погрузится, о царь, владыка народа, — так скудоумные (люди) то всплывут из глубины сансары, то вновь погрузятся, скованные воздаянием за свои дела, тяжело страдая. Только те, кто постиг мудрость спасения, кто пребывает в истине, кто стремится к выходу из сансары, кто знает, как являются в этот мир все существа, — те шествуют высшей стезей.

Такова в великой «Махабхарате» в «Книге о женах» третья глава.

Глава 4

Дхритараштра сказал:

Красноречивейший, как познать глубину сансары? Вот о чем мне хотелось бы слышать. Ответ же на это по правде!

Виатура сказал:

Слушай, владыка, про все, что делают (живые) существа от самого их зарождения. Сначала такое существо какое-то время обитает на этом свете внутри «пятнышка». Затем, по истечении пятого месяца, у него развивается плоть, и в (следующем) месяце оно превращается в плод, все члены которого сформировались. Среди нечистот он обитает, среди мяса, крови и слизи; потом же сила Ветра (разворачивает его) вверх ногами, вниз головой. Достигнув врат лона, сопутствуемый прежними деяниями, претерпевает он многие страдания из-за сокращения (стенки) матки. Избавившись от этого, он видит, однако, как из сансары устремляются к нему другие (напасти): демоны детских болезней бросаются на него, как собаки — на кусок мяса. И впоследствии всяческие, уже взрослые, недуги набрасываются на живущего, скованного своими прежними деяниями. К нему, слабому, опутанному узами чувственного восприятия, приверженностью к (мирским) слоям, приходят всевозможные пороки, о владыка людей, и, ими еще более окованный, ничем он не может насытиться. Но (всего) этого он не сознает до тех пор, пока не окажется в мире Ямы. Влекомый посланцами Ямы, встречает он в должное время свою Смерть. Когда же ему, лишенному речи, в начале (новой жизни) отмеривается (по прежним его делам) желанное и нежеланное, то он вновь перестает сознавать, что сам себя ввергает в оковы. Увы, поврежден этот мир, отдан во власть алчности; обуянный хотеньем, гневом, безумьем, сам себя он не понимает. Один, благодарствуя рождению радуясь, насмехается над худородными; другой, упиваясь богатством своим, издевается над бедными. Третий о других говорит: «Дурачье!», а о себе не задумается; других заставляет учиться, сам же учиться не хочет. И лишь тот в этом брэнном мире живых, кто от самого рожденья живет в согласии с дхармой, — обретет высшую участь! Кто, зная все это, следует истине, тот, о владыка потомков Ману, вступает на путь спасения.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» четвертая глава.

Глава 5

Дхритараштра сказал:

Как в этой чашобе сансары разумом путь находят? Об этой стезе разуменья во всех подробностях мне поведай!

Виатура сказал:

Поклонившись Самосущему, я тебе сейчас поведаю, что рассказывают величайшие из святых мудрецов о чашобе сансары.

Некий дваждырожденный, блуждая в великой сансаре, попал однажды в огромный непроходимый лес, полный хищных, прожорливых, страшных зверей: львов, тигров, слонов, повсюду в нем кишачих; (вид этого леса) внушил бы ужас (самому) богу Смерти! От этого зрелища волнение (того брахмана обуяло), сердце у него затрепетало, волосы встали дыбом, о притеснитель недругов! Продвигаясь через тот лес, он метался из одного его конца в другой и озирался по всем сторонам света: где бы найти убежище? Терзаемый перед ними страхом, бежал он, ища какую-нибудь щель или нору; но не мог ни совсем убежать от них, ни хотя бы отдалиться. Тут он увидел, что этот страшный лес со всех сторон окружен сетью и что женщина преужасного вида (сторожит его), расставив в стороны руки. А еще в том великом лесу вздымались вверх, словно горы, пятиглавые змеи и огромные деревья касались (вершинами) неба.

Посреди же леса там был заросший колодец, скрытый переплетением лиан и травы. Туда, в этот скрытый водоем, и упал дваждырожденный и там повис на плотной сетке лиан. Слово большой плод хлебного дерева, прикрепленный к черенку, висел он там вверх ногами, вниз головой. Внутри колодца он увидел огромного, могучего змея, а затем появилась еще и другая напасть: он увидел наверху, у края колодца, огромного слона, шестиногого, двенадцатиногого, сквозь чашу лиан и деревьев неуклонно приближающегося. Вокруг того (брахмана), на конце ветки древесной повисшего, летали среди ветвей в дупле рожденные и мед (в нем) прежде собиравшие, престрашного вида, всевозможных форм, трепет внушавшие пчелы. Снова и снова хотелось им, о бык-бхарата, вкусить того меда, дразнящего вкус всем существам, но не дающего насыщения даже ребенку. Многими струйками тот мед стекал вниз, и человек, висящий (на дереве), из тех струй его пил; и у него, пьющего в (момент смертельной) опасности, жажда не проходила. Все время ему хотелось (меда), и все не мог он насытиться; и не возникло у него, о царь, отвращения к жизни! Даже там сохранялась у человека привязанность к жизни — а дерево тем временем подгрызали черные и белые мыши. Человеку тому грозила опасность от хищников, от той престрашной женщины на краю лесной чащи, от змея на дне колодца, от слона у края его, от падения дерева из-за мышей — опасность пятая, от жадности к меду, из-за пчел — опасность шестая, как говорят — самая великая; он же пребывал там, ввергнутый в море сансары, сохраняя привязанность к жизни, не исполнившись к ней отвращения!

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» пятая глава.

Глава 6

Дхритараштра сказал:

Увы, в великом несчастье влачит он жалкую жизнь! Но как может он там наслаждаться и быть довольным? Где та страна, о красноречивейший, в которой он пребывает, (терпя такое) для праведности (своей) утеснение? И как избавиться тому человеку от столь грозной опасности? Поведай мне все об этом, а после предпримем в добрый час усилия для его спасения, ибо я испытываю великую жалость к нему.

Виатура сказал:

О царь, это (всего лишь) притча, которую приводят обычно люди, знающие (стею) спасения, для того чтобы человек мог благодаря ей

обрести в посмертных мирах благой удел. То, что названо здесь огромным лесом, это — сансара, а (в нем) непроходимая чаща — это дебри сансары. Те, что описаны как хищные звери, — знакомы (людям) как болезни; а женщину с огромным телом, что там обитает, мудрые именуют Старостью, губящей юный румянец и красоту. То, что в притче — колодец, это тело воплощенных; великий змей, что живет в нем на дне, — это Время, губитель всего живого, воплощенных существ всеуничтожитель. Та лиана, что свесилась посреди колодца, на отростке которой висит тот человек, — это привязанность к жизни, присущая воплощенным. А шестиликий слон, что у края колодца к тому дереву подходит, — называется Годом, о царь! Лики его — (шесть) времен года, двенадцать ног разъясняются как месяцы. Мыши, что, кропотливо трудясь, подгрызают то дерево, — это, по мнению тех, кто истолковывает (значение упоминаемых в притче живых существ), — ночи и дни. А челы, что там (роются), объясняются как чувственные желания. Те же премногие струи, текущие медом, надлежит знать как вкус чувственных удовольствий, в коих люди погрязают и гибнут. Но люди, постигшие, что именно таков круговорот колеса сансары, умудренные, узы того колеса сансары рассекают.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» шестая глава.

Глава 7

Дхритараштра сказал:

Увы, почтенный, зрящий суть вещей, — вот и закончено твоё сказанье.

Радостью для меня было бы вновь вкусить амриту твоих речей.

Видура сказал:

Слушай, я расскажу снова и подробнее об этом пути, знание которого

позволяет мудрым высвободиться из сансары.

Как человек, пустившийся в дальнюю дорогу, бывает, утомившись, остановится, сделает привал, — так в круговороте сансары глупцы задерживаются на постой в материнской утробе; но мудрые — освобождаются, о царь-бхарата! Потому люди, сведущие в шастрах, называют это «путем»; а дебри сансары мудрые называют «лесом». Таково мирское колдовращенье для всех смертных существ, движущихся и неподвижных, — никогда не прельстится им мудрый, о бык-бхарата! Недуги смертных, телесные либо душевные, явные либо незримые, у мудрых людей зовутся «плотыми зверями». Чудовищами собственных (прежних) деяний неустанно терзаемые и разимые глупцы, о бхарата, не преисполняются (все же) отвращением к миру! А если какому человеку от болезни удастся спастись, о царь, — впереди все равно подстерегает его Старость, губительница красоты, тогда как всевозможные запахи, вкусовые ощущения, зримые образы и звуки, со всех сторон (обступив, все глубже) в бездонную трясиину его погружают! Годы, сезоны, месяцы, полумесяцы, ночи и дни с сумерками между ними постепенно его красоту и век его похищают. Все это — воплощения (смертоносного) Времени, но глупцы об этом не знают. Всем существам Установитель предначертал (судьбу) посредством деяния.

Тело живых существ — колесница, саттву зовут возничим, органы чувств называют конями, разумность в действиях — поводами.

Человек, увлекаемый этими стремительно несущимися конями, в круге сансары сам вращается подобно колесу. Тот же возница, что сдерживает их разумом, — более в этот мир не возвращается. «Колесницей Ямы» называют эту (колесницу тела), ввергающую в (пучину) заблуждения скудоумных. Такому человеку достается то, что тебе выпало, о царь: гибель царства, гибель друзей, гибель сынов, о бхарата, владыка людей! И эта мука сопряжена с (непрекращающейся) жаждой, о бхарата! Святой же человек в самых страшных бедствиях применяет (особое) лекарство от бедствий. Ни доблесть, ни богатство, ни друзья, ни приятели — никто так не избавит от страданий, как твердое самообладание. Поэтому утвердись в дружелюбии и следуй благонравно, о бхарата! Смирение, мироотречение, трезвение (ума) — вот «три коня Брахмана». Кто, стоя на колеснице своей души, правит поводами благих принципов, тот, избавившись от страха смерти, уходит в мир Брахмана, о царь!

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» седьмая глава.

Глава 8

Вайшампаяна сказал:

Выслушав эту речь Видуры, достойнейший в роде Куру, терзаясь скорбью о сыновьях, пал без чувств на землю. Увидев, что он, бесчувственный, простерт на земле, родственники, Кришна Двайпаяна и Видура — Сын рабыни, Санджая и другие друзья царя, привратники и все любящие его, приятно-прохладной водой (окропляя) и опახалами, о бхарата, что было сил овеяла, касались (нежно) тела его руками и долгое время так над Дхритараштрой, пребывавшим в столь (бедственном) состоянии, хлопотали. По истечении долгого времени владыка земли, придя в сознание, долго-долго причитал, тяжко скорбя о греховных деяниях своих сыновей:

«Позор человечеству, позор человеческой природе — ибо снова и снова произрастают из них страдания! От гибели сыновей, родичей и близких, от гибели богатства приключается страдание превеликое, жгучее, словно огонь и яд, о владыка! Оно сожигает тело, оно губит мудрость; им измученный, человек почитает смерть за лучшее. И раз меня, из-за превратности моей доли, постигла эта беда, то я сейчас так и поступлю, о достойнейший из дважды-рожденных!»

Сказав своему великому духом отцу, достойнейшему из познавших Брахман, такие слова, Дхритараштра впал в сильную скорбь и смятение; погрузившись в глубокое раздумье, царь умолк, о владыка земли! А господин Кришна Двайпаяна, выслушав его, к сыну своему, терзаемому скорбью о сыновьях, обратился с такой речью:

«О могучий Дхритараштра, послушай, что я скажу тебе! Ты многонаслышан, разумен, искушен в законе и пользе; из того, что следует знать, ничто от тебя не укрылось, о притеснитель недругов; и ты, конечно, знаешь о бренности всех смертных. Если непрочен этот мир живых существ, не вечно само это обиталище, если жизнь (неизбежно) кончается смертью, — о чем ты тогда печалишься, о бхарата? Ведь ты сам свидетель тому, как по воле Времени возникла эта вражда, о Индра царей, сын же твой был избран (к этому) орудием. Грядущая погибель рода Куру неизбежна, о царь: почему же ты скорбишь об этих героях, удостоившихся наивысшей участи? Ведь великий духом, всезнающий Видура не жалел усилий, чтобы (сохранить) мир, о могучий владыка людей! Но стези, что намечена судьбой, никто из живущих изменить не в силах, сколь он долго ни старайся, — я уверен! Ведь я сам слышал, как боги решали, что делать; поведаю тебе об этом, — ведь (иначе) как придать тебе твердость!»

«Как-то раз, поспешная, не зная усталости в пути, прибыл я в небесную сабху Индры и увидел собравшихся там небожителей-богов, а также всех божественных святых мудрецов во главе с Нарадой. И там я видел, как Земля, о владыка земли, предстала перед (сонмом) богов, (прося их) об (одном важном) деле. Приблизившись, Кормилица молвила собравшимся богам: „То, что вам надлежит сделать, вы сами, наделенные великой долей, прежде, в обители Брахмы, пообещали. Так скорей же исполните это!“

Эти ее слова услышав, чтимый всем миром Вишну улыбнулся и так обратился к Земле в собрании богов: „Из сотни сыновей Дхритараштры старшего зовут Дурьодханой; он и свершит для тебя это дело. Ступай к тому царю — хранителю земли и достигнешь своей цели! Из-за него (цари —) защитники земли сойдутся на Поле Куру и, разя железным оружием, истребят друг друга. В той битве и сгинет твоя тяжкая ноша, о богиня! Ступай же на свое место и (продолжай), о прекрасная, подпирать собой (все) миры!»

Этот сын твой, о царь, как частичное воплощение Кали зародился, на погибель человечеству, в утробе Гандхари. Он был нетерпим, суетлив, гневен и творил зло. Такими же, по воле судьбы, родились и его братья. Дядя его с материнской стороны — Шакуни и лучший друг — Карна, а также все прочие цари родились на погибель земле; и Нарادا был полностью посвящен в эту тайну, о мощнодланый! Сыновья твои погибли из-за собственных грехов, о владыка земли! Не скорби же о них, о Индра царей, здесь нет причины для скорби! Ведь Пандавы ни в чем, даже в самом малом, не провинились, сыновья же твои — злодеи, именно из-за них опустошена земля! А Нарادا — благо тебе, царь! — прежде, при (совершении) раджасуи, возгласил, как достоверно известно, в присутствии Юдхиштыры: „Пандавы и кауравы, сойдясь друг с другом в битве, погибнут; так исполни свой долг, о сын Кунти!“ Услышав те слова Нарады, опечалились Пандавы. Вот и поведаю тебе все об извечной тайне богов. Да развеется оттого твоя скорбь, да вернется любовь к жизни, о владыка! Да почувствуешь ты приязнь к Пандавам, после того как узнал об установлении, назначенном судьбой! Обо всем этом я давно уже прослышал, о мощнодланый, и рассказал Царю Справедливости — Юдхиштыре при величайшем из жертвоприношений — раджасуе. Когда я поведал ему тайну, Сын Дхармы (немало) постарался, чтобы предотвратить раздор среди потомков Куру — но судьба сильнее всего! Назначенного Губителем никак не избежать всему сущему, подвижному и неподвижному, о царь! Ты же, достойнейший бхарата, хоть и деятельен, и слависься разумением, хоть и постиг, что есть путь и что не есть путь для всех живых существ, — а здесь все же заблуждаешься! Если царь Юдхиштыра узнает, что ты, терзаясь скорбью, то и дело помрачаешься умом, — (боюсь,) он расстанется с жизнью! Всегда сострадателен он даже к тем, кто рождается в звериных лонах; может ли быть так, о царь царей, что он к тебе не проявит сострадания! По моему настоянию, по причине неотвратимости судьбы и из сочувствия к Пандавам — оставайся в живых, о бхарата! Продолжай жить, ты обретешь в мире славу, (достигнешь) величайшей праведности и сможешь еще долгое время предаваться подвижничеству. А эту скорбь о сыновьях, которая, подобно пылающему Пожирателю жертв, то и дело вспыхивает (у тебя в сердце), надо угасить водой мудрости, о великий царь!»

Выслушав эту речь наделенного непомерным духовным пылом Вьясы и немного поразмыслив, ответил Дхритараштра: «Великою сетью скорби я (опутан и) увлекаем, о достойнейший из дваждырожденных! Сам себя не сознаю, то и дело умом помрачаюсь. Вняв этим твоим словам, подсказанным самой судьбою, я удержу в себе жизнь и постараюсь обуздать скорбь!» Услышав эти слова Дхритараштры, Вьяса, сын Сатъявати, тут же, (не сходя с места,) исчез, о Индра царей!

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» восьмая глава.

ЗАКОНЧЕНО «СКАЗАНИЕ О СКОРБИ»

СКАЗАНИЕ О ЖЕНАХ

Глава 9

Джанамеджая сказал:

По уходе владыки Вьясы, что предпринял царь Дхритараштра, соизволь мне поведать о том, о брахман-мудрец!

Вайшампаяна сказал:

Выслушав эту (речь Вьясы, Дхритараштра,) о достойнейший из людей, надолго задумался и перестал воспринимать окружающее, а потом приказал Санджае: «Запрягай!» — и обратился к Видуре: «Поскорее приведи сюда Гандхари с прочими женами бхаратов! Захвати и невестку мою, Кунти, а с нею и других женщин». И, сказав это лучшему из знатоков дхармы — Видуре, всецело преданный дхарме (царь), чей разум был поражен скорбью, направился к (своей) колеснице.

А Гандхари, мучимая горем, повинувшись велению супруга, вместе с Кунти и другими женщинами поспешила туда, где (был) царь. Приближаясь к нему, они, терзаемые горем, одна к другой (жалобно) взывали, отчего поднялся превеликий шум. Видура, сам еще более их страдая, утешал их и, возведя их (на колесницы), выехал (с ними) из города. И куру во всех своих домах подняли громкий крик; весь город, включая детей, был объят скорбью. Те женщины, кого прежде не могли видеть даже сонмы богов, теперь, когда пали (в битве) их мужья, явились взорам простонародья. Распустив прекрасные волосы и сняв с себя все украшения, оставив лишь половину одежды (в знак траура), женщины метались (в панике), лишившиеся (мужей)-защитников. Они выбегали из своих домов, подобных белым скалам, словно пятнистые лани, (выбегающие) из горных пещер, когда вожак их стада погиб. Неисчислимыми толпами те жены, томимые горем, метались (взад и вперед), словно молодые кобылицы в загоне, о царь! Заламывая руки, громко вопили они, оплакивая сыновей, братьев, отцов, и являли собой (зрелище,) подобное гибели мира при конце юга. Причитая, рыдая, туда и сюда метались; скорбь помрачила их разум, и не знали они, что делать. Юные жены, кои прежде даже подружек своих стеснялись, ныне, забывши стыд, перед своими свекровьями лишь в половине одежды представляли! Те, что раньше в самых малых печалях друг друга утешали, ныне так поглощены скорбью, что и не глядят друг на друга, о царь!

В окружении тысяч рыдающих женщин царь поспешно выступил из города, направляясь к месту битвы. А вслед за царем вышли из города ремесленники, торговцы, вайшьи — люди всех занятий. Терзаясь из-за гибели кауравов, плача и причитая, они подняли шум, который сотрясал миры — словно (вопл) живых существ, гибнущих в пламени, когда наступает срок конца юги и все живое понимает: «Вот, пришла гибель!» Тяжко страдая в душе из-за гибели потомков Куру, горожане, глубоко им преданные, жалобно стенили, о великий царь!

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» девятая глава.

Глава 10

Вайшампаяна сказал:

Отойдя на расстояние кроши, встретили они тех трех великоколесничных бойцов: Крипу — сына Шарадвана, (Ашваттхамана) сына Дроны, а также Критавармана. А те, как увидели царя, тяжело вздыхая, голосом, прерывающимся от слез, обратились к рыдающему владыке, коему мудрость служила единственным оком, с такими словами:

«Твой царственный сын, свершив трудноисполнимый подвиг, вместе со свитой своей удалился в мир Индры, о великий царь! Из всей рати Дурьодханы спаслись только мы, трое колесничных бойцов; все остальное воинство твое погибло, о бык-бхарата!»

Сказав это царю, Крипа, сын Шарадвана, обратился затем к скорбящей о сыновьях Гандхари с такой речью: «Не знавшие страха в битве, разившие множества недругов, вершившие геройские дела — сыновья твои пришли к гибели. Несомненно, они достигли незапятнанности, оружием добываемых миров и там, обрета святящиеся тела, наслаждаются, подобно бессмертным. Ведь никто из (этих) героев, сражаясь, не отвернул лица; никто перед угрозой гибели от меча не сложил ладони (в мольбе о пощаде). Им досталось то, что называлось у древних высочайшей участью для кшатрия — гибель в битве от меча; не изволь же о них печалиться! Ведь и врагам их, Пандавам, не пришлось торжествовать, о царица! Слушай, что учинили мы им, возглавляемые Ашваттхаманом! Узнав, что твоего сына беззаконно сразил Бхимасена, мы проникли в спящий лагерь и устроили Пандавам побоище. Перебиты все панчалы, возглавлявшиеся Дхриштадьумной, погибли и сыновья Друпады, и сыновья Драупады. Учинив эту бойню полчищам врагов сына твоего, мы затем бежали, ибо втроем не смогли устоять в битве. Пандавы, эти отважные великие лучники, сейчас всецело во власти гнева; они скоро придут сюда, чтобы насладиться местью. Эти герои, мужи-быки, узнав, что их родные сыновья застигнуты врасплох и убиты, быстро нападут на наш след, о многославная! Провинившись перед Пандавами, мы не смеем более оставаться (здесь). Отпусти нас, о царица! И не предавайся скорби! Отпусти нас и ты, о царь! Храни неколебимую твердость! Блюди во всей полноте долг кшатрия, от которого освобождает лишь смерть!»

Сказав это царю, великие духом Крипа, Критаварман и сын Дроны совершили вокруг многомудрого владыки Дхритараштры, не сводя с него глаз, правосторонний обход, о бхарата, а затем поспешно направили своих коней в сторону Ганга. Отъехав подальше, те великоколесничные бойцы, удрученные, попрощались друг с другом и разъехались в трех разных направлениях, о царь! Крипа, сын Шарадвана, направился в Хастинапуру, сын Хридики — в собственное царство, а сын Дроны — в обитель Вьясы. Так разъехались эти герои, (то и дело) оглядываясь друг на друга и терзаясь страхом перед великими духом Пандавами, коим они причинили такое зло. Итак, повидавшись с царем, герои — губители недругов еще до восхода солнца разъехались, о великий царь, в края, им желанные.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» десятая глава.

Глава 11

Вайшампаяна сказал:

Когда истреблены были все рати, прослышав Царь Справедливости — Юдхиштхира о том, что старый отец выехал из Города-с-именем-слона. Скорбящий о сыновьях, направился он, в сопровождении братьев, туда, где был обуянный скорбью о сыновьях (Дхритараштра), о великий царь! За ним следовали великий духом герой — Владыка дашархов, а также Ююджана и Юютсу. Шла за ним и сокрушенная бедою, терзаемая скорбью Драупади вместе с собравшимися при ней юными женами-панчалийками.

И увидел он, как сонмы страдающих женщин с криками, словно чайки, собрались на берег Ганги, о достойнейший бхарата! Тысячи их, рыдающих, тоскующих, воздевающих руки к небу, окружили царя и говорили, (не заботясь о том,) приятно (ему их слова) или нет: «Где же царское знание дхармы, где же ныне это (хваленое его) невредженое (живому), если он убил отцов, братьев, наставников, сыновей и друзей? Как ты чувствуешь себя, о мощнодланый, став причиной гибели Дроны и прадеда Бхишмы, убив Джаядратху? На что тебе царство, если (уже никогда) не увидишь ты отцов и братьев, необоримого Абхиманью и сыновей Драупады, о бхарата!»

Пройдя через (толпу) кричащих, словно чайки, женщин, мощнодланый Юдхиштхира, Царь Справедливости, вознес хвалу старейшему отцу; также и все другие Пандавы, искоренители недругов, по закону приветствовав отца, затем свои имена по очереди огласили. Отец, мучимый скорбью, страдающий из-за гибели сыновей, с неохотой обнял Пандаву — виновника их смерти. Заклучив в объятиях Царя Справедливости, он вежливо говорил с ним, но, затаив в душе злобу, ждал Бхиму, словно огонь, готовый испепелить (свою жертву). Казалось, огонь его гнева, раздуваемый ветром скорби, вот-вот сожжет Бхимасену, как сухой лес! Но, распознав его злой умысел в отношении Бхимы, Хари оттолкнул руками (настоящего) Бхиму и подставил (Дхритараштре) Бхиму из металла. Заранее разгадав его намерение, многомудрый Хари, наиразумнейший Джанардана подстроил все так, что тот могучий царь, сдавив в объятиях металлическую статую Бхимы, сокрушил ее, думая, будто это (настоящий) Врикодара. Обладающий мощью десяти тысяч слонов, царь раздавил металлического Бхимасену, но при этом грудь его была израна, а изо рта хлынула кровь. И, залитый кровью, пал он на землю, словно дерево париждана, чья верхушка вся покрыта (красными) цветами. Тогда подхватил его возничий, сын Гавальганы, со словами: «Не надо! Полно!», пытаясь успокоить и утешить его. А многогорузный (Дхритараштра), после того, как дал ярости волю, не испытывал более гнева, зато снова погрузился в скорбь и восклицал: «Горе мне! О Бхима!» Видя, что он уже не гневается, а лишь страдает из-за убийства Бхимы, достойнейший из мужей Васудева молвил такое слово:

«Не скорби, о Дхритараштра, ты не убивал Бхимы; тобою сокрушена, о царь, всего лишь эта металлическая статуя! Видя, что ты всецело

во власти гнева, о бык-бхарата, я отвел в сторону сына Кунти, который шел прямо в зубы Смерти. Ведь нет на свете никого, равного тебе по силе, о царь-тигр, и нет человека, который бы выдержал мертвую хватку твоих рук, о мощнодланый! Ни один смертный не спасется, встретившись с Губителем; точно так же никто не уйдет живым, если попал в твои руки! Поэтому я и подставил тебе, о кауравья, эту металлическую статую Бхимы, которую повелел некогда отлить твой сын. Скорбь о сыновьях так тебя измучила, что твой разум отклонился от дхармы: вот почему ты и захотел убить Бхимасену. Но и убей ты Врикодара — не было бы тебе в этом пользы; ведь сыновей твоих, о царь, все равно не воскресить! А потому — согласишься со всем тем, что делали мы (прежде), заботясь о благе; и не давай скорби овладеть твоим сердцем!»

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» одиннадцатая глава.

Глава 12

Вайшампаяна сказал:

Тут приблизились к нему слуги (с водой) для умывания; и, совершив очищение, Мадхусудана продолжил свою речь: «О царь, ты заучил наизусть веды и различные шастры, ты слушал пураны и всевозможные „наставления об обязанностях царя“. Будучи столь образован, о многомудрый, ты (все же) не внял словам — хотя и знал, что Пандавы превосходят (твоих сыновей) и силой и доблестью, о Каурава! А ведь истинного блага достигает только тот упорный в постижении (истины) царь, который видит свои недостатки и (умеет для всякого дела) выбрать правильное время и место. Тот же, кто, хоть и советует ему благо, не способен выбрать между добром и злом, после, когда уже попадет в беду, (оказавшись) в тяжелом положении — предается скорби. Осознай же, что ты усвоил чуждый тебе образ действий, о бхарата! Ведь ты сам собой не управлял, а был всецело во власти Дурьодханы, о царь! Страдая по собственной вине, почему ты хочешь убить Бхиму? Обуздай же свой гнев и лучше вспомни, сколько сам сделал дурного. Убив негодяя, который из зависти (к Пандавам) велел привести Панчалийку в сабху, Бхима лишь осуществил справедливое возмездие. Вспомни и о том, как ты и твой злокозненный сын пошли на преступление, без всякой вины отправив Пандавов в изгнание, о притеснитель недругов!»

На эти всецело истинные слова Кришны, о правитель народа, отвечал великий царь Дхритараштра сыну Деваки: «Все это так, как ты говоришь, о мощнодланый Мадхава! Любовь к сыну, о праведный, поколебала мою твердость. Это счастье, что могучий муж-тигр, истинно-доблестный Бхима, храбрый тобою, не попал в мои объятия! Теперь же, когда мой гнев прошел, волнение утихло, я хочу лишь одного: (скорее) прикоснуться к этому герою, среднему из сыновей Панду! Погибли Индры среди царей, сражены мои сыновья; лишь в сыновьях Панду заключены для меня ныне утешение и радость!»

Затем он со слезами заключил в объятия прекрасных (героев): Бхиму, Дхананджаю и обоих доблестнейших мужей, сыновей Мадри, ободлив каждого и даровав им свое благословение.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» двенадцатая глава.

Глава 13

Вайшампаяна сказал:

И вот, с соизволения Дхритараштры, все братья, быки среди куру, вместе с Кешавой направились к Гандхари. Но безупречная Гандхари, терзаемая скорбью о сыновьях, узнав Царя Справедливости — Юдхиштхиру, истребившего своих недругов, пожелала предать его проклятию. Святой мудрец, сын Сатьявати, почувал злой умысел ее в отношении Пандавов и заблаговременно до конца его разгадал. Совершив возлияние благоуханной, чистой водою Ганги, величайший святой,двигающийся со скоростью мысли, прибыл в тот край. Видящий «чудесным оком» и познающий без усилия разумом душевное состояние всех, в ком есть дыхание, он (сразу) понял все происходящее. И в должный час здравомыслящий обладатель великого подвижнического пыла молвил своей снохе: «(Ныне,) упуская случай для проклятий, (люди) используют (всякий) случай к миру. Не должно гневаться на Пандаву, о Гандхари, исполнись миролюбия. Ведь надлежит обудывать страсти. И послушай, что я еще скажу. На протяжении восемнадцати дней твой сын, жаждущий победы, все говорил тебе: „Мать, я сражаюсь с врагами - благословляю меня!“ И на эти просьбы стремящегося к победе (героя) ты, о Гандхари, каждый раз отвечала: „Где дхарма — там и победа!“ Я не припомню в прошлом такого, о Гандхари, чтобы сказанное тобою оказалось ложным, ибо (каждое слово) ты изрекаешь после сосредоточенного обдумывания. Теперь же, вспомнив о дхарме и о собственных словах, о многомудрая, обуздай гнев, он тебе не к лицу, правдоречивая Гандхари!»

Гандхари сказала:

Я не осуждаю Пандавов, о владыка, и не желаю их смерти; просто сердце мое от скорби по сыновьям чересчур взволновалось. Как Кунти заботится о Пандавах — так и мне следует (о них) заботиться; как Дхритараштра о них печется — так надлежит и мне. Погибель роду Куру пришла из-за преступлений, совершенных Дурьодханой, Шакуни, сыном Субалы, Карной и Духшасаной. А Бибхатсу и сын Притхи — Врикодара, так же как Накула с Сахадевой и Юдхиштхира ни в чем не повинны. Ведь потомки Куру устроили междоусобную сечу и все в ней друг друга перебили; за это я не гневаюсь (на Пандавов). Но что совершил Бхима с ведома Васудевы! Он, великий духом, вызвал Дурьодхану на битву палицами и, зная, насколько тот искусней его, что не раз было доказано в битве, (Бхима) нанес ему удар ниже пупа — вот отчего я гневаюсь! Как смеют герои даже во спасение жизни на поле брани пренебрегать дхармой, которую заповедали великие духом праведники!

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» тринадцатая глава.

Глава 14

Вайшампаяна сказал:

Услышал ее слова Бхимасена и — казалось, испуганный — обратился к Гандхари с такой умиловительной речью: «По дхарме или не по дхарме, но я сделал это из страха, дабы спасти свою жизнь; соизволь же простить меня! Ведь твоего могучего сына в честном бою никто не мог бы одолеть — поэтому я и поступил нечестно. Он один остался из всего (вашего) войска, но я подумал: „Что, если этот богатырь, сразив меня в битве на палицах, отнимет (наше) царство?“, поэтому я и поступил так. Почтенная, ты ведь знаешь, что сказал этот сын твой царевне из Панчалы, когда она, во время своей нечистоты, была укрыта лишь половиной одежды! Не усмирив Суйодхану, мы не смогли бы насладиться обладанием всей этой землей с ее морями; поэтому я и поступил так. К тому же сын твой нанес нам обиду, когда показал Драупади свое левое бедро посреди сабхи. Следовало нам там же и убить твоего сына-злодея, о мать; но по приказу Юдхиштхиры в тот раз мы не сдвинулись с места. Всю эту великую вражду, о царица, разжег твой сын, из-за него мы постоянно терпели в лесах лишения; поэтому я и поступил так. Лишь когда Дурьодхана пал в битве, переплыли мы (море) этой вражды, Юдхиштхира вновь обрел царство и ярость наша утихла».

Гандхари сказала:

Не должен был умирать такой смертью сын мой, которого ты сам восхваляешь, — даже если он и совершил все то, о чем ты мне сказал. А когда Вришасена сразил коней Накулы, о бхарата, ты напился среди битвы крови из тела Духшасаны! Как ты мог свершить деяние столь жестокое, отвратительное, осуждаемое добрыми людьми, совершаемое обычно лишь не-ариями? Не к лицу тебе это, о Врикодара!

Бхимасена сказал:

Нельзя пить кровь даже чужого человека, не говоря уж о родиче. Ведь брат мой — то же, что я, между нами нет различия. Но не печалься, мать: кровь (Духшасаны) не проникла дальше моих губ и зубов, сын Вивасвата тому свидетель; лишь руки мои обгорены были кровью! Увидев, как Вришасена сразил в битве коней Накулы, я (в отместку) нагнал страху на ликующих братьев-кауравов! Те слова, что промолвил я в гневе, когда, после игры в кости, Драупади тащили за пышные волосы, — они и сейчас в моем сердце! Во все несчетные годы (в будущем) я был бы отступником от кшатрийской дхармы, если бы не сдержал своего слова; вот почему я сделал это! Не изволь, о Гандхари, возлагать на меня (всю) вину. Ты сама прежде сыновей своих не удержала; мы же не причинили (им первыми) никакого вреда.

Гандхари сказала:

Неодолимый, ты сразил сотню сыновей этого старца. Что же ты не оставил хоть кого-нибудь из них, кто менее виновен, — наследника, сынок, нам, старикам, лишенным царства? Что же не оставил хотя бы одного посоха двум слепцам? Ты явился Губителем для моих сыновей, а сам остался жив; но горе мое не было бы столь велико, если бы ты действовал по дхарме.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» четырнадцатая глава.

Глава 15

Вайшампаяна сказал:

После этого Гандхари, гневная, терзаемая скорбью о погибших сыновьях и внуках, спросила о Юдхиштхире: «Где этот царь?» В благоговейном трепете, сложив почтительно ладони, приблизился к ней Индра царей, Юдхиштхира, и обратился с такими кроткими

словам: «Я — жестокий убийца твоих сыновей, о богиня! Я — Юдхитхира, ставший причиной гибели всей земли и достойный проклятия; прокляни же меня! После того как я сразил (своей рукой своих) лучших друзей, для меня, глупца и предателя дружбы, царство, богатство и самая жизнь потеряли смысл!» Приблизившемуся к ней с этими словами, уstraшенному (Юдхитхире) ничего не ответила Гандхари, предаваясь тяжким вздохам. Познавшая дхарму, зрящая дхарму божественная царица увидела в шелку под повязкой (на глазах) кончики пальцев склонившегося перед ней, коснувшегося ее стоп царя Юдхитхиры. И от этого у царя, всегда славившегося красотой ногтей, испортились ногти. Увидев это, Арджуна укрылся за спиной у Васудевы, о бхарата! Но гнев Гандхари уже прошел, и она ласково, словно мать, ободрила обеспокоенно засуетившихся перед ней Пандавов. Затем, испросив у нее разрешение удалиться, широкогрудые (богатыри) пошли вместе к матери своей — Притхе, родительнице героев. После долгой разлуки вновь увидев сыновей, она, преисполненная тоскою по ним, закрыла лицо краем одежды и залилась слезами. Вместе с сыновьями проливая слезы, взирала Притха на многие их раны, нанесенные ударами всевозможного оружия. Нежно касаясь их, одного за другим, плакала она, мучимая горем, вместе с Драупади-Панчалийкой, которая тут же, простершись на земле, рыдала по своим убитым сыновьям.

Драупади сказала:

О почтенная, куда ушли все эти внуки твои вместе с сыном Субхадры? Почему не придут они нынче к тебе, давно их не видавшей, тоскующей? На что мне теперь царство, когда я потеряла сыновей!

Вайшампаяна сказал:

Ширококая Притха принялась утешать рыдающую, терзаемую скорбью Яджнясени и подняла ее (с земли). Затем вместе с нею и в сопровождении сыновей приблизилась Притха к страдающей Гандхари, сама еще больше страдая. И ей, многославной, (явившейся) вместе с невесткой, Гандхари сказала: «Дочь моя, полно терзаться скорбью. Взгляни, ведь и я страдаю. Но сдается мне, что эта всеобщая гибель была предопределена колдовращением времени; повергающая в трепет, она не зависит от человеческой воли и совершилась в силу „собственной природы“. Вот и исполнилось то великое слово, которое изрек многомудрый Видура после того, как усилил Кришны достичь мира потерпел неудачу. Не надо скорбеть о том, чего нельзя предотвратить, тем более — о том, что уже свершилось. О тех, кто принял смерть в битве, вообще не следует горевать. Мне так же (тяжело), как и тебе. Кому, как не тебе, утешить меня! Ведь именно по моей вине погиб этот славнейший род.»

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» пятнадцатая глава.

Глава 16

Вайшампаяна сказал:

Произнес эти слова, Гандхари, оставаясь на месте, тотчас узрела «чудесным оком» все (последствия) бойни среди потомков Куру. Удостоившаяся великой доли, верная супружескому долгу, разделившая с мужем его участь, обладающая грозным подвижничеством пылом, неизменно правдивая в речах, по милости великого риши, вершителя святых дел Кришны (Двайпаяны) обретшая силу божественного знания — она непрестанно стенала. И вдруг узрела премудрая далекое — словно вблизи, (узрела) чудесное, повергающее в трепет поле битвы мужей-героев. Оно было усыпано костями и волосами, залито потоками крови; повсюду покрывали его многие тысячи человеческих тел, усеяны боевые слоны, кони, колесницы и пешие воины, обогранные кровью безглавые туловища и во множестве — отсеченные от тел головы! Лежали на нем бездыханными слоны, кони и мужи-герои, собирались на нем шакалы, коршуны, грифы, вороны. Радостью (было то поле) для людоедов-ракшасов; кружили над ним орлы, раздавался зловеющий вой шакалов, слетались туда стервятники.

И вот, испросив разрешения у Вьясы, владыка земли Дхритараштра и все сыновья Панду во главе с Юдхитхирой, пропуская вперед Васудеву и (старого) царя (Дхритараштру), потерявшего всех своих родных, взяв с собою женщин рода Куру, отправились на место побоища. Когда эти женщины, лишившиеся владык, достигли Курукшетры, увидели они там своих павших сыновей, братьев, отцов и мужей, которых терзали хищники, шакалы, коршуны и вороны, бхуты, пишаши, ракшасы и всякая прочая ночная нечисть. Увидев эту бойню, напоминавшую место игрищ Рудры, те жены с криками попадали тогда с драотенных колесниц. При виде такого, чего прежде никогда не видали, одни из тех бхаратских жен (поберли по полю), спотыкаясь о тела, другие рухнули наземь. И ни одна из них, обессиленных, оставшихся беззащитными, не сохранила здравого рассудка. Юные жены панчалов и куру испытали великое горе.

Увидев наипрощенное место побоища, которое оглашали (доносившиеся) со всех сторон вопли женщин, потерявших рассудок от горя, постигшая дхарму дочь Субалы обратилась к лотосоокому Пурушоттаме и, созерцая истребление кауравов, молвила скорбно такое слово: «Смотри, лотосоокий: вот невестки мои. Их владыки-мужья убиты. Распустив волосы по плечам, жалобно кричат они, как чайки, о Мадхаве! В смятении они то сойдутся вместе и скорбно поминают тех быков-бхаратов, то порознь устремляются каждая к своему сыну или брату, отцу или супругу. Смотри, это поле покрыто матерями героев, чьи сыновья убиты; оно полно супругов героев, чьи герои сражены, о мощнодланый! Украшают его собой мужи-тигры, подобные пылающим огням: Бхишма, Карна и Абхиманью, Дрона, Друпада, Шалья! Богатое его убранство составляют золотые доспехи, шейные гривны и камни-самоцветы, а также браслеты, запястья и венки великих духом героев. Смотри, это поле усеяно вылетевшими из рук героев дротиками и булавами, острыми, блестящими мечами, луками и стрелами. Кровожадные хищники радостно собираются в стаи; вот иные из них режутся, вот другие прилегли отдохнуть. Таково это поле битвы, о герой, смотри на него, владыка! Меня же, когда смотрю, отчаяние жжет, о Джанардана! Гибель куру и панчалов мне было прежде так же невозможно помыслить, как гибель пяти первоэлементов! Тысячи свирепых орлов и грифов таскают, ухватив за край доспеха, вымазанные кровью (мертвые тела) и пожирают их! Кто бы смог вообразить себе гибель Джаядратхи и Карны, Дроны, Бхишмы и Абхиманью? Те, кто никак не могли быть убиты — ныне сражены, о Мадхусудана, и я вижу, как ими кормятся коршуны, грифы, стервятники, ястребы, псы и шакалы! Те, кто поддались ярости, кто покорны были воле Дурьодханы, — смотри, теперь они, эти мужи-тигры, подобны потушенным огням! Им подобало бы спать на чистых и мягких ложах, ныне же лежат они, мертвые, на голой земле! Неизменно в положенное время воспевали хвалу им певцы; теперь же лишь слышно, как страшно и зловеще воют на разные голоса над ними шакалы. Те многославные герои, что прежде покоились на ложах, чьи тела умащены были сандалом и алоэ, — ныне простерты в пыли! Теперь все их убранство — вот эти коршуны, вороны и стервятники, таскающие взад и вперед (их тела), издавая то и дело страшные, зловещие крики. На вид — словно живые, (эти герои), упоенные битвой, счастливые, (по-прежнему) не расстаются со своими луками, медными стрелами, чисто-блещущими мечами и палицами. Вот они, во множестве, прекрасные лицом и телом, с очами, как у быков, в зеленых свежих венках — лежат, терзаемые хищниками! А другие герои лежат с булавами и палицами в руках — обротившись к ним и обняв, как любимыми жен. Иные (по-прежнему) облачены в доспехи, держат (в руках) чисто-блещущее оружие; хищники не дерзают к ним подступиться, (опасаясь), что они — живые, о Джанардана! Тела других великих духом (героев) хищники таскают (взад и вперед), так что прекрасные золотые венки, (соскользнувшие с их шей), разбросаны по всему полю! Тысячи страшных коршунов с (других) убитых славных героев сияют сорвать застрявшие на шею ожерелья. Прежде, в иные ночи, их неизменно радовали прекраснейшими хвалебными гимнами и лестью искусные в своем деле певцы; теперь же, о тигр из рода Вришни, вот эти красавицы, бедой удрученные, горем и скорбью жестоко терзаемые, жалобно оплакивают их! Ясные лики этих прекраснейших из женщин, опаленные (горем, все же) сияют красотой, словно заросли красных лотосов (на лесных озерах)! Вот, прекратив на время стенания, погруженные в скорбные думы, мечутся, страдая, жены рода Куру от одного (павшего) к другому. Смотри, от гнева и плача лики жен рода Куру медно-красными стали, подобны цветом солнцу, горят, как червонное золото! Внимая чужим, прерывающимся на полуслове причитаниям, юные жены среди всеобщего стенания не могут разобрать их смысла. Порой, после тяжелых вздохов, причитаний и воплей супруга героя, не в силах совладать с горем, сама расстается с жизнью. А многие другие, поглядев на тела, вопят, причитают и нежными своими руками наносят себе (жестокие) удары по голове.

Сверкает земля, вся усеянная перемешавшимися на ней отсеченными и упавшими головами, руками и другими частями тела в огромных количествах. Наглядевшись на восхитавшие — и одновременно ужасавшие взор — безглавые туловища, на головы, отделенные от тел, иные из жен кауравов, непривычные к такому (зрелищу), повредились рассудком. Голову к телу приставив, пристально смотрят, безумные, и затем (восклицают) в отчаянии: „Нет, не его (голова)!“ Другие, приставив на место руку, ногу или ступню, отсеченную стрелой, то и дело лишаются чувств. А некоторые бхаратские жены не могут узнать своих супругов — так их головы разодраны хищниками, исклеваны птицами! Те же, которые видят своих братьев, отцов, сыновей и супругов, убитых врагами, бьют себя руками по головам, о Мадхусудана! Усыпанная (отрубленными) руками с (зажатым в них) оружием, (отрубленными) головами с серьгами в ушах, покрытая месивом из мяса и крови — непроходима стала земля (на Поле Куру)! Прежде не знавшие скорби, безупречные красавицы ныне, увязая в земле, усеянной телами их братьев, отцов и супругов, погружаются в великую скорбь! Смотри, о Джанардана: эти множества снох Дхритараштры, (мечущихся с распущенными волосами), похожи на табуны молодых прекраснорыбных кобылиц! Может ли быть для меня что-либо печальнее, о Кешава, чем зрелище женщин (рода Куру) во всех этих многообразных видах! Ясно, что в прежних рождениях совершила я грех, коль довелось мне (сегодня) увидеть сраженными сыновей, внуков и братьев, о Кешава!» И когда она,

бедная, так причитала, убитый сын (вдруг) явился ее взору.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» шестнадцатая глава.

Глава 17

Вайшампаяна сказал:

Едва увидев Дурьодхану, Гандхари, терзаемая горем, тотчас упала на землю, словно срубленное банановое деревце в лесу. Когда же к ней вернулось сознание, то при виде Дурьодханы, простертого (на земле) и обгащенного кровью, принялась она стенать не умолкая. Обнимая его, жалобно причитала Гандхари; в смятении чувств, мучимая горем, голосила: «Ах, сын мой!» На его широкую, гладкую грудь, украшенную золотой гривной и жемчужным ожерельем, пролила она, сжигаемая скорбью, очами рожденную влагу и сказала стоящему рядом Хришикеше такое слово:

«Накануне этой усобицы между родичами, о владыка Варшнея, просил меня сей достойнейший из царей, сложив почтительно руки: „В этом побоище между родными, о мать, предреки мне победу!“ На эти его слова я, зная все о том, какая меня ждет расплата, ответила ему, о муж-тигр: „Где дхарма — там победа! Когда сражаешься, не ступай на стезю заблуждения, сынок, тогда ты непременно обретешь те миры, которые добываются оружием, (и будешь блаженствовать в них) словно бессмертный, о владыка!“ Вот что я прежде сказала — потому и не так скорблю о сыне, о властитель! Я (больше) скорблю о несчастном Дхритараштре, у которого все родные убиты».

«Взгляни, о Мадхава, как сын мой, в совершенстве владевший оружием, превосходнейший из бойцов, опьянявшийся битвой, гневный, — покоится ныне на ложе героев (— бранном поле)! Тот губитель недругов, кто шествовал в главе посвященных на царство (правителей), — ныне простерт в пыли: таково коловращение Времени! Несомненно, наитруднейшей стезей шлел (на небеса) отважный Дурьодхана, коли, не отвратив (в битве) лица, возлег он на ложе, подобающее героям! Прежде цари — владыки земли, усевшись вокруг, (всячески) его развлекали; теперь же его, убитого, простертого на земле, лишь грифы окружают, как свита! Прежде юные жены оведали его превосходнейшими опалами; теперь же опалами своих крыльев оведают его (хищные) птицы! Вот лежит мощнодланый герой, могучий, истинно-доблестный; словно лев — слона, поверг его наземь в битве Бхимасена! Смотри, о Кришна: вот лежит обгащенный кровью Дурьодхана, с палицей, (все еще как бы) воздетой (для удара); его убил Бхимасена, о бхарата! Тот мощнодланый (воитель), кто прежде одиннадцати акшаухини указывал путь в сражении, о Кешава, — ныне сам, сбившись с пути, пришел к гибели. Вот лежит великий лучник, великоколесничный боец Дурьодхана; словно лев — тигра, поверг его наземь Бхимасена! Ослушавшись Видуру и собственного отца, неразумный, злосчастный юнец из-за своего непослушания старшим стал добычей смерти. Тот, кто, не имея соперников, тринадцать лет (единолично) правил землей — ныне, сраженный, простерт на земле, тот сын мой, о владыка земли! Давно ли, о Кришна, я видела землю (процветавшей) под властью сыновей Дхритараштры, полной слонов, коров и коней, о Варшнея! Теперь же, о мощнодланый, я вижу ее под властью чужих, лишенную слонов, коров и коней — зачем я только живу, о Мадхава!»

«Смотри, вот нечто еще более прискорбное, чем гибель моего сына: зрелище этих жен, ухаживающих за сраженными в битве героями! Погляди, о Кришна, на мать Лакшманы, пышнобедрую, с распущенными волосами, блеском подобную золотому алтарю; когда-то она нежилась в объятиях Дурьодханы! Поистине, прежде, когда был жив мощнорукий, эта мудрая дева блаженствовала, обвитая его прекрасными руками. Как только не разорвется на тысячу кусков мое сердце при виде того, что мой сын вместе с внуком сражены в битве! Эта безупречная пышнобедрая красавица вдыхает запах головы залитого кровью сына и в то же время рукою нежно гладит Дурьодхану. Эта мудрая дева, должно быть, скорбит то о супруге, то о сыне: вот (от супруга) не может, кажется, глаз оторвать, вот устремляет взор на сына; а вот она, большеокая, руками по голове себя бия, падает, о Мадхава, на грудь того героя, царя куру! С лицом цвета волокон лотоса, она кажется прекрасной, как лотос, когда, палимая скорбью, нежно гладит сына или супруга. Если истинны священные предания, если таковы же шрути, то, несомненно, этот царь обрел (небесные) миры, достигаемые мощью рук!»

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» семнадцатая глава.

Глава 18

Гандхари сказала:

Смотри, о Мадхава, вот мои сыновья, числом в сотню, не ведавшие усталости, - (лежат), почти все сраженные в битве палицей Бхимасены. Но еще более тяжело мне видеть ныне, как эти мои юные невестки, потеряв в битве сыновей, мечутся (по полу) с распущенными волосами! Они привыкли ступать ножками в дорогих браслетах по крыше дворца; теперь же приходится им (этими ножками) касаться земли, пропитанной кровью! Скорбь их терзает, и мечутся они взад и вперед как безумные, вспугивая (на каждом шагу стаи) ворон, грифов и стервятников. Иная безупречно сложенная, с тончайшим станом, при виде этого страшного побоища, не в силах вынести горя, падает наземь! Не находит покоя мое сердце, когда я вижу, о мощнодланый, мать Лакшманы, царевну, дочь владыки земли! Вот и другие, видя своих братьев, супругов и сыновей сраженными (и лежащими) на земле, падают на (их тела), хватая их за руки своими нежными руками!

Послушай, неодолимый, как на месте кровавой бойни кричат почтенные жены и старухи, потерявшие своих родных! Посмотри, могучий, как они, изнуренные усталостью и мукой, чтобы не упасть, опираются на кузовы (разбитых) колесниц, на туши убитых слонов и коней! Смотри, как иншая стоит (в оцепенении), держа в руках отсеченную от тела голову ближайшего родственника, украшенную дивными серьгами, с большим, красивым носом, о Кришна! Должно быть, эти безупречные женщины и я, скудоумная, в прежней жизни совершили какое-то немалое прегрешение, о безгрешный, — за это и отплатил нашим близким Царь Справедливости, о Джанардана! Ведь всякое деяние — благое ли, злое ли — никуда не исчезает, о Варшнея! Смотри, (эти) пребывающие в расцвете юности (жены) с прекрасными грудями и животами, с черными глазами, ресницами и волосами, рожденные в знатных семьях, стыдливые, с речью, напоминающей птичье воркованье, — издают пронзительные крики, словно журавлихи, и, лишаясь чувств от горя и муки, падают наземь; видишь ли ты, о Мадхава? Безупречно прекрасные лики этих жен, подобные распутившимся лотосам, опаляют, о лотосоокий, солнце скорби. Жительницы гарема, коих мои сыновья, надменные, словно взъяренные слоны, ревновали (к равным себе), — ныне открыты взорам простого народа! Посмотри, о Говинда: щиты с изображением сотни лун, сверкающие, словно солнце, стяги, золотые доспехи, шейные гривны и шлемы моих сыновей, (разбросанные) по земле, пылают, словно огни, обильно подкормленные жертвенным маслом.

Вот лежит Духшасана, поверженный Бхимой; всю кровь из его тела выпил тот герой, о губитель недругов! Взгляни, о Мадхава: палицей, смертоносной для героев, (сразил) сына моего (Бхимасена), подстрекаемый на это Драупади, вспоминая страдания Пандавов при игре в кости! Ведь этот (Духшасана), чтобы угодить брату своему и Карне, о Джанардана, сказал посреди сабхи Панчалийке, проигранной в кости: «Ты — супруга рабов и немедля, вместе с Сахадевой, Накулой и Арджунной, должна пойти (в услужение) в наш дом!» И тогда, о Кришна, я сказала царю Дурьодхане: «Сын, прогони от себя Шакуни, уже накрытого арканом Смерти! Знай, что твой дядя, мой брат — великий злодей, любитель раздоров. Поскорее оставь его, сын мой, и примиришься с Пандавами! Или ты, дурачок, не знаешь, (каков в битве) разъяренный Бхимасена? Острыми стрелами слов ты сейчас дразнишь его, как слона (приводят в ярость, забрасывая) горящими факелами». Но он, жестокий и злобный, нацелив стрелы язвительных речей, излил на Пандавов свой яд, словно змея — на могучих быков. И вот, раскинув большие руки, лежит Духшасана, сраженный Бхимой, словно могучий бык — львом. Чудовищное деяние совершил в гневе безудержно-яростный Бхимасена: он выпил на поле сражения кровь Духшасаны.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» восемнадцатая глава.

Глава 19

Гандхари сказала:

Вот лежит на земле, о Мадхава, сын мой Викарна, чье поведение одобряли мудрецы, — сраженный, изрубленный на тысячу кусков Бхимой. В окружении туш убитых слонов лежит Викарна — словно солнце осенью в окружении иссиня-черных туч, о Мадхусудана! Широкую кисть его руки, покрытую шрамами от соприкосновения с луком и обернутую кожаной защитной лентой, тщетно пытаются отклевать голодные стервятники. Его сжигаемая горем юная супруга этих жаждущих поживы стервятников все время силится отогнать, но не может, о Мадхава! Прекрасный юный герой Викарна, о муж-бык, был привычен к счастью, заслуживал счастья — и вот он простерт в пыли! Хотя его жизненные центры пронзены были в битве цельножелезными стрелами, дротиками и крючковатыми «ушастыми» стрелами, но красота и сейчас не покинула этого достойнейшего из бхаратов! Вот покоится, оставаясь и сейчас лицом к врагу, истребитель вражеских ратей Дурмукуха; его сразил герой (этой) битвы (Бхима) во исполнение данного им обета. Его лицо, о Кришна, даже наполовину съеденное хищниками, сияет ярче, чем луна, в седьмой день (светлой половины месяца)! Как могло случиться, о Кришна, что этот герой, мой сын, столь прекрасный ликом, сраженный в битве врагами, будет грызть земной прах? Как случилось, друг мой, что Дурмукуха, которому никто не мог противостоять в битве, ныне, сраженный врагами, завоевал себе небесный мир?

Посмотри, о Губитель Мадху: вот лежит на земле, сраженный, другой сын Дхритараштры - Читрасена, (недостижимый) образец для всех

стрелков из лука! Его, украшенного яркими цветочными гирляндами, окружают, словно готовая к услугам свита, терзаемые горем, рыдающие юные жены, вместе со стаями кровожадных хищников! Смешение многообразных звуков: воплей плачущих женщин и звериного воя — поражает меня, о Кришна!

А здесь превосходный юноша, вечный баловень прекраснейших из женщин — Вивиншати лежит, поверженный во прах, о Мадхава! Отважного Вивиншати, чей доспех весь иссечен стрелами в битве, два десятка стервятников со всех сторон окружили! Прорвавшись в середину рати Пандавов на поле битвы, сподобился он возлечь на ложе героев, как и надлежит праведному мужу. Взгляни, о Кришна, на дивно-прекрасный лик (юного) Вивиншати, с великолепным носом и бровями, с неизменной улыбкой, сияющей, словно (Месяц -) Владыка звезд! И это — тот, кого прежде ублажали (прекраснейшие из женщин, словно) женщины Индры — одного из Васу, словно тысячи небесных дев — играющего гандхарву!

Кто решился бы противостать отважному Духсахе, губителю недругов, истребителю богатырских ратей, украшению сходок! И вот (ныне) тело Духсахи, оцетинившееся стрелами, сияет красотою, словно гора, которая вся поросла цветущими деревьями атмаруха и карникара. Золотой венок и сверкающий доспех украшают безжизненного Духсаху как Огонь (украшал собой) Белую гору.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» девятнадцатая глава.

Глава 20

Гандхари сказала:

Тот, кто считался превосходящим в полтора раза по силе и доблести и своего отца, и тебя, о Мадхава; тот, кто подобен буйному и гордому льву, о Дашарха; тот, кто сумел в одиночку прорвать непроницаемый боевой строй моего сына; тот, кто явился Смертью для (многих) других, — (ныне) сам попал во власть смерти. Но: как я вижу, о Кришна, хотя и сражен Каршни, обладатель непомерного боевого пыла Абхиманью, — блеск его величия не меркнет!

Оплакивает же этого героя, своего мужа, томимая скорбью, юная дочь Вираты, невестка Владетеля Гандивы. Вот, подойдя ближе к супругу, дочь Вираты нежно гладит его рукой, о Кришна! Многославная вдыхает запах лица сына Субхадры, что прекрасно, как месяц или лотос, и покоится на шее, обвитой (тремя приносящими счастье линиями), словно спиралевидная раковина. Эта красавица, чей облик вызывает страстное желание, стыдливая, обнимает его, как (делала это) прежде, когда была опьянена вином. Сняв с него доспехи, разглядывает она, о Кришна, его тело, в золотом убранстве, обогретенное кровью из ран. Не сводя с него взора, эта юная дева вызывает к тебе, о Кришна: «Вот он лежит убитым — такой же, как ты, лотосоокий, в силе, отваге и. мощи ратного пыла равный тебе, о безгрешный, а красотой тебя (даже) превосходивший, — вот он простерт замертво на земле! Столь изнеженному, привыкшему почивать на ковриках из оленьей шерсти или на шкурах — не мучительно ли ныне тебе лежать телом прямо на земле? Ты лежишь, раскинув свои великолепные, большие, как два слоновьих хобота, украшенные золотыми браслетами руки, кожа на которых загубела от соприкосновения с тетивой (лука при выстреле)! Да, крепко ты спишь, словно утомившись после великих трудов: даже не отозвешься на мои столь жалобные стенанья! Куда же уходишь ты, благородный, покидая благородную Субхадру, богоподобных старцев (рода Куру) и меня, разнесчастную?» Собрав рукой (в пучок) его слипшиеся от крови волосы, положив его голову на колени, вопрошает она его, как живого: «Сына сестры Васудевы и Владетеля лука Гандивы — как могли поразить тебя среди битвы те великоколесничные бойцы? Да покроет позор этих злодеев: Крипу, Карну и Джаядратху, а также Дрону и сына Дроны за то, что они погубили тебя! О чем в тот миг думали все эти величайшие колесничные бойцы? Как могло быть, что тебя, о герой, одного со всех сторон, мне на горе, окружив, жаждущие твоей смерти (враги) убили, как беззащитное дитя, на глазах у Пандавов и Панчалов — твоих защитников! Бывши свидетелем того, что тебя, словно сироту безродного, убили в сражении многочисленные (враги), как может жить на свете тигр среди мужей, отважный сын Панду (Арджуна)! Ни обретение обширного царства, ни торжество над врагами — ничто уже не доставляет радости Партхам без тебя, о лотосоокий! Скоро и я уйду следом за тобой в те миры, что добываются оружием, а также соблюдением дхармы и самообладанием; там ты (снова) будь мне защитником! Нелегко человеку умереть, если час его еще не пришел: вот почему я, хоть и видела, как ты пал в битве, все еще жива, злосчастная! К кому-то сейчас из обитателей мира предков обращаешься ты с учтивой речью и улыбкой — как прежде ко мне, о муж-тигр! Несомненно, (там), на небе, дивной своей красотой и веселой приветливой речью смущаешь ты сердца апсар. Достигнув миров, уготованных вершителям благочестивых дел, ты, должно быть, веселишься там с апсарами; но вспомни иногда, о сын Субхадры, и о том добром, что я (тебе) сделала! В этом мире суждены были нам с тобой только шесть месяцев совместной жизни, а на седьмой месяц, о герой, ты уже встретил свою гибель!» И когда Уттара, скорбя, произносит эти слова, сознание ее помрачается, и другие женщины из царского рода матсьев оттаскивают ее прочь. Унося прочь страдающую Уттару, познали они сами еще большее страдание, возрыдали и запричитали, когда увидели убитого Вирату. Поверженного, иссеченного стрелами и оружием Дроны, обогретенного кровью, Вирату терзают стервятники, вороны и шакалы. Черноокие жены, слабые и нерешительные, не в силах повернуть терзаемое птицами тело Вираты. Палимые солнцем, побледнели эти жены от труда и усилий, красота их облик померкла. Посмотри, о Мадхава, на этих мальчиков: Уттару, Абхиманью и Судакшину, царя Камбоджей, на прекрасного Лакшману: вот лежат они, сраженные, в самом центре бранного поля!

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» двадцатая глава.

Глава 21

Гандхари сказала:

Вот покоится великий стрелок из лука и колесничный боец Вайкартана. Как огонь, пламенел он в битве; но Партха угасил его своим ратным пылом. Видишь, вот Карна Вайкартана, сразивший многих великоколесничных бойцов, убитый, простерт на земле; все тело его залито потоками крови! Его гнев легко вспыхивал и долгу не угасал, великим луком владел он, великой колесницей; и этот герой покоится (здесь) убитый в схватке с владельцем Гандивы! Сыновья мои, великоколесничные бойцы, из страха перед Пандавами, сражаясь, (всегда) выдвигали его вперед, как стадо слонов — своего жокака. И вот поверг его в битве Савьясачин — словно лев — тигра, словно взбешенный слон — другого слона! Теперь, о муж-тигр, сошлись к (телу) сраженного в битве героя и заботливо его окружили рыдающие, с распущенными волосами его жены. Царю Справедливости Юдхиштхире внулал он всегда такую тревогу, что тот тринадцать лет, думая о нем, не ведал сна. Неузавим он был в битве для врагов, как Индра — для своих недругов; пылал он, словно огонь конца мира; был стоек, словно сам Химаван. Герой этот был главной защитой для сына Дхритараштры, о Мадхава! Сраженный, простерт он (теперь) на земле, словно дерево, поваленное ветром! Смотри, вот супруга Карны, мать Вришасены тоже на землю пала, рыдает и жалобно причитает:

«Поистине, проклятье наставника тебя в тот миг настигло, когда колесо твое земля поглотила, а после у тебя, окруженного врагами, Завоеватель богатств среди битвы отсек стрелой голову!» Увы, вот и сама рыдающая, тяжело страдающая мать Сушены при виде Карны, не сломленного духом, мощнодланного, (по-прежнему) украшенного золотой гривной — лишившись чувств, упала. Немногое уцелело после плотоядных (хищников), со всех сторон обгрызших тело, о великий духом! Вид этот столь же мало радует, как (вид ушервной) луны в четырнадцатую ночь темной половины месяца! Беспokoйная, она то рухнет на землю, то снова встает, в печали; то вдохнет запах лица Карны, то возрыдает, скорбя также и об убитом сыне.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» двадцать первая глава.

Глава 22

Гандхари сказала:

На (теле) владыки Аванти, сраженного Бхимасеной, собрались на свой пир стервятники и шакалы. Много было родни у этого героя, (а сейчас он) — как безродный сирота, которого и защитить некому! Взгляни на него, о Губитель Мадху: он учинил бойню своим врагам, но (ныне) покоится на ложе героев, залитый кровью! Видишь: шакалы, коршуны и всевозможные прочие хищники таскают (его труп) из стороны в сторону — такова превратность Времени! Сроднившегося с битвой героя, покоящегося на ложе героев царя Аванти заботливо окружили со всех сторон рыдающие жены!

Посмотри, о Кришна: вот многомудрый Бахлика, сын Пратипы, лежит, сраженный ширококолезвийной стрелой, подобен уснувшему тигру. Хоть он и убит, а лик его по-прежнему сияет столь же ярко, как округлившийся Сом, взшедший (на небо) в полночь! Палимый скорбью о сыне, исполняя данную клятву, сын Пакашасаны сразил в битве сына Вриддхакшатры. Посмотри: вот тот, кто сокрушил одиннадцать (вражеских) ратей, тот, кого хранил (в сражении) великий духом (Дрона) — Джаядратха лежит, сраженный стремившимся сдержать свое слово (Арджуной)! На (теле) многомудрого, исполненного гордости Джаядратхи, вождя синдху и саувилов, (ныне) пируют шакалы, о Джанардана! Преданные жены селятся отогнать их, о Неколебимый, они же с рычаньем ташат (тело) в соседний, поросший лесом овраг. Вот обступили со всех сторон, стерегут большерукого синдху саувиры, гандхарские, камбоджийские и яванские жены! Когда, захватив Драупади, устремился он прочь вместе с кекаями, уже тогда была предрешена гибель Джаядратхи от рук Пандавов, о Джанардана! Но в тот раз отпустили они Джаядратху из уважения к Духшале; почему же теперь не

проявили они снова к ней уважения, о Кришна? Вот эта юная дочь моя, мучимая горем, причитает, тяжело сокрушается и клянет (ненавистных) Пандавов! Может ли быть для меня горше горе, о Кришна, чем то, что юная дочь моя осталась вдовой или невестка лишилась своего супруга-владыки? Посмотри, какой ужас: Духшала, словно бы забыв о страхе и горе, мечется в разные стороны по полю — она не может найти голову супруга! Тот, кто один сдерживал натиск всех Пандавов, стремившихся на выручку сына, — сразив великие рати, все же сам стал добычей Смерти! Ныне этот герой, одолеть которого было труднее, чем буйного слона, со всех сторон окружен рыдающими луноликими женами!

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» двадцать вторая глава.

Глава 23

Гандхари сказала:

Вот и сам Шалья, доводящийся Накуле дядей с материнской стороны, покоится, сраженный в битве благочестивым знатоком дхармы, Царем Справедливости! Тот, кто всегда и всюду соперничал с тобою, о муж-бык, — великоколесничный боец, царь мадров лежит здесь убитым! Когда он правил в битве колесницей сына Адхиратхи, то для победы сыновей Панду он всячески подрывал боевой пыл (Карны), о сын мой! Посмотри, какой ужас: красотою равный полной луне, с глазами, подобными лепесткам лотоса, ясный лик Шалья стал добычей ворон! У этого (героя), чей лик блещет, как золото, изо рта вывалился язык цвета червонного золота, и птицы клюют его, о Кришна! Шалья, который был прежде украшением собраний, сраженного рукою Юдхиштхиры, обступили со всех сторон, стеная, женщины из царского рода мадров. Эти тонкостанные кшатрийки, сойдясь над (телом), голоса-причитают по тому мужу, быку среди кшатриев — царю мадров; они стоят, окружив со всех сторон сраженного Шалья — словно юные слоники вокруг тонущего в болоте вожака! Смотри: вот покоится на ложе героев отважный Шалья, превосходнейший из колесничных бойцов, служивший (многим) защитой; (ныне тело его) рассечено на части стрелами!

Вот, поверженный, покоится на земле обитатель гор, лучший из погонщиков слонов, могучий царь Бхагадатта. И хоть терзают его хищники, все еще сверкает на голове его украшение волос — золотой венец. Была между ним и Партхой наихлесточая, претрашенная, повергающая в трепет битва, подобная той, что была между Индрой и Бали. Противостав в бою Партхе, Завоевателю богатств, этот могучерукий (воитель) доставил ему немало хлопот — но все же был сражен сыном Кунти.

А здесь лежит замертво тот, равного кому в отваге и геройстве не было на свете — наводивший в битве ужас (на врагов) Бхишма. Посмотри, о Кришна: солнцелобный сын Шантану повержен, словно Солнце, сброшенное Временем с небосвода при конце юги! Опалив в битве врагов зноем своего оружия, солнцеподобный земной герой клонится к своему закату, как солнце в конце дня, о Кешава! Видишь, вот герой, в знании дхармы не уступающий самому Девапи, покоится на ложе из стрел — богатырском ложе, принимающем лишь избранных. Расстелив из «ушастых», забуренных и прямых, цельножелезных стрел превосходнейшее ложе, владыка взошел на него и возлежит, словно Сканды — на зарослях тростника! Сын Ганги покоится (головую) на превосходнейшем подголовнике, составленном из трех стрел, который устроил для него Владетель лука Гандивы. Вот лежит многославный, не имевший равного себе в битве сын Шантану, который, во исполнение воли отца, удерживал свое семя, о Мадхава! Душою преданный дхарме, по наследству принявший знание дхармы, (проявлявшееся) во (всяком) споре, он хоть и смертен, а продолжает, словно бессмертный, сохранять жизненное дыхание! Коли Бхишма, сын Шантану, лежит ныне, сраженный врагами, значит, не осталось больше на свете человека, достигшего совершенства в (искусстве) боя, или в мудрости, или в доблести! Неизменно правдивый в речах, этот герой, знаток дхармы, когда Пандавы спросили его, сам поведал им (секрет) своей гибели в битве. Некогда именно он возродил угасший было род Куру; и вот теперь он, многомудрый, вместе со всеми куру уходит в небытие! К кому теперь куру обратятся (за советом) в вопросах дхармы, после того как бык среди людей, богоравный Деваврата, уйдет на небо, о Мадхава!

Посмотри: вот (лежит) убитый Дрона, превосходнейший наставник (всех) кауравов, руководитель Арджуны, учитель Сатьяки. Великий герой Дрона знал оружие четырех родов столь же хорошо, как Владыка Тридесяти или Бхаргава (Шукра), о Мадхава! Благодаря ему Бибхатсу, сын Панду, совершил трудноисполнимый подвиг. И вот он лежит убитый, не защитило его (знание) всевозможного оружия. Лишь поставив его во главе, (дерзнули) кауравы бросить вызов Пандавам — и вот Дрона, совершеннее всех владеющий оружием, изрублен оружием на куски! Он (двигался по полю битвы), сжигая (вражеское) войско, оставляя след, подобный (следу) огня; и вот он покоится, сраженный, подобен угашенному костру. В руке его (по-прежнему) зажат лук, еще целы кожаные щитки на руках — Дрона, даже и убитый, выглядит как бы живым, о Мадхава! Четыре Веды и всевозможное оружие не покидают этого героя, о Кешава, так и остаются при нем, как в начале времен при Праджалати. Вот прекрасные его стопы, достойные воспевания и воспевавшиеся певцами, почитавшиеся сотнями его учеников, — (ныне) их терзают шакалы. При Дроне, сраженном сыном Друпеды, скорбно несет свою стражу Крипи, чье сознание замутнено горем, о Губитель Мадху! Посмотри на нее, страдающую, плачущую, распутившую волосы и низко склонившую голову, — как она изъясляет почитание своему убитому супругу, Дроне, достойнейшему из носящих оружие! Подвижница со свалившимися, как у отшельника, волосами, воздает она на поле битвы (последние) почести Дроне, чей доспех весь разбит стрелами Дхриштадьумны, о Кешава! Славная, нежная, слабая Крипи из сил выбивается, стараясь совершить похоронный обряд для своего убитого супруга. Сложив по всем правилам погребальный костер, со всех сторон зажегши его и поместив поверх Дрону, певцы ведийских гимнов поют на три (основных) распева! Брахманы-ученики со спутанными по-отшельнически волосами подбрасывают в костер луки, древки копий и кузовы колесниц, о Мадхава! Используя как дрова всякое другое оружие, сжигают они обладателя непомерного ратного пыла; возложив Дрону на костер, они воспевают и оплакивают его. Другие же славят (его) тремя промежуточными распевами, принося в жертву Дрону на Вкусителе жертв, как бы один огонь поместив на другой огонь. Брахманы — ученики Дроны, обойдя костер против солнца, поставив впереди себя Крипи, шествуют затем по направлению к Ганге.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» двадцать третья глава.

Глава 24

Гандхари сказала:

Смотри, вот рядом — сын Сомадатты, сраженный Ююджаной; (тело) его клюют стаи птиц. Тут же виден и сам Сомадатта, который как бы укоряет, терзаемый скорбью о сыне, (его убийцу), великого лучника Ююджану, о Джанардана! А это — обуянная тоской мать Бхуришраваса; она обращается, безупречная, к супругу своему Сомадатте, как бы утешая его:

«Это — счастье, о великий царь, что не видишь ты жестокой гибели бхаратов, побоища кауравов, ужасного конца юги! Это — счастье, что не видишь ты ныне сраженным своего сына-героя, раздававшего тысячами жертвенные дары, совершила многих жертвоприношений, на чьем стяге красовалось изображение жертвенного столба! Это — счастье, что ты не слышишь, о великий царь, немолчного страшного вопля снох твоих, подобного крику лебедей над океаном! Невестки твои, потерявшие детей, потерявшие своих супругов-владык, мечутся (по полю битвы), распутив (по плечам) свои черные волосы, полуодетые! Это — счастье, что ты не видишь, как шакалы терзают мужа-тигра, которому Арджуна отсек руку прежде, чем его убили! Это — счастье, что ты здесь не видишь сраженного в битве Шалу, и Бхуришраваса, и всех снох твоих, оставшихся вдовами! Это — счастье, что ты не видишь, как золотой зонт великого духом сына твоего, на чьем стяге красовался жертвенный столб, лежит, поверженный, на днище его колесницы!»

А вот черноокие супруги Бхуришраваса, обступив со всех сторон, оплакивают мужа своего, которого убил Сатьяки. Терзаемые тоской о супруге, они немолчно о нем стенают и падают в отчаянии навзничь на землю, о Кешава! Как только мог Бибхатсу совершить столь отвратительное дело: отсечь руку опьяненному боем герою, великому жертвователю! Но еще злейшее деяние сотворил Сатьяки: он убил человека, совершенного духом, в то время, когда тот держал полный пост, с тем чтобы уйти из жизни! «Ты мертв, о благочестивый! Двое — одного бесчестно тебя убили!» — так причитают жены Столпознаменного, о Мадхава! Супруги Юпадхваджи, те, чей стан не шире руки, кладя руку мужа себе на колени, жалобно его оплакивают:

«Вот рука, которая срывала пояс, сжимала пышную грудь, гладила пупок и бедра, развязывала узлы одежды. В миг, когда сражающийся (герой) среди битвы был отвлечен другим, Партха, вершитель незапятнанных деяний, отсек ее на глазах у Васудевы! Об этом «великом деянии» Арджуны что будешь рассказывать ты на сходках и беседах, о Джанардана, и что (расскажет) сам Увенчанный диадемой?» — Такую укоризну высказав, замолкает красавица, но тут же другие жены подхватывают ее плач, как если бы она доводилась им невесткой!

Царь Гандхары, могучий, истинно-доблестный Шакуни — сражен Сахадевой, дядя — племянником, сыном сестры! Тот, кого прежде обмахивали двумя опахалами на золотых рукоятках, теперь повержен, и обвеивают его крыльями (хищные) птицы! Он мог принимать сотни и тысячи различных форм; но (теперь) волшебство этого कुдесника сожжено ратным пылом сыновей Панду! Тот, кто (прежде), в Собрании, будучи мастером обмана, выиграл у Юдхиштхиры изобильное царство, — (ныне) сам проиграл свою жизнь! Со всех сторон обступили его (хищные) птицы, о Кришна! На погильель моим сыновьям выучился он искусству игрока. Не он ли положил начало великой распри с Пандавами, от которой гибель пришла и моим сыновьям, и ему самому со всей дружиной! Как мои сыновья добыли

себе оружием (посмертные) миры, так и этот злочинец добыл оружием (те же) миры, о владыка. Как бы и там не сбил он сыновей моих и братьев с пути верного знания на свой неверный путь, о Губитель Мадху!

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» двадцать четвертая глава.

Глава 25

Гандхари сказала:

Посмотри на труднооборимого царя Камбоджей: мощный телом, словно бык, он был привычен к ложу из камбоджийских ковров — но ныне, сраженный, простерт в пыли, о Мадхава! В великом горе жалобно причитает его супруга, глядя на руки его, (прежде всегда) натертые сандаловой пастой, а ныне вымазанные кровью: «Вот эти руки, подобные двум стальным брусам, с прекрасными ладонями и пальцами; не было предела моему блаженству, когда они обнимали меня! Что за участь меня ожидает, когда я тебя, о владыка народа, лишилась, осиротела, осталась беззащитною!» - (так причитает) сладкоголосая. Хотя эти жены и изнурены, тела их сохраняют красоту — так венки небожителей, даже опаляемые зноем, (не увядают). Посмотри, о Губитель Мадху, вот рядом лежит отважный царь Калинги, у которого на предплечье каждой из могучих рук — пара пылающих (золотым блеском) браслетов. Смотри, вот магадхские жены рыдают, окружив (тело) владыки магадхов Джаятсенги, о Джанардана! Плач этих большею, сладкоголосых красавиц пленяет слух и разум, о Джанардана, от него смущается мое сердце! Терзаемые скорбью, рыдают магадхские жены; привыкшие к богато застланным ложа, они, сбросив все свои украшения, попадали прямо на землю!

А там, в отдалении, рыдающие жены обступили со всех сторон своего убитого супруга, царского сына Брихадбалу, правителя Косалы. Обуянные скорбью, то и дело лишаясь чувств, извлекают они из его тела стрелы, пущенные могучей рукою сына Кришны (Абхиманью). От зноя и от усталости лица этих, во всем безупречных (женщин) стали подобны увядшим лотосам, о Мадхава!

Сраженные Дроной, так и лежат, обратись все к нему лицом, сияя браслетами на предплечьях, пять отважных братьев-кекаев. У них доспехи цвета червонного золота, у них красные стяги, венки и колесницы — поэтому и озаряют они землю, как светочи, как (пять) пылающих костров.

Посмотри, о Мадхава, на Друпиду: его сразил в битве Дрона, словно огромный лев в лесной чаще сразил исполина-слона! Большой белый зонт царя панчалов сияет, о лотосоокий, словно солнце на осеннем небе! А вот скорбящие жены и снохи царя Панчалы, старого Друпиды, предав его огню, совершают они левосторонний обход вокруг (погребального костра).

А другие красавицы, забыв обо всем от горя, несут (на руках тело) сраженного Дроной отважного, великого лучника, быка в царском роде страны Чеди — Дхриштакету. Отразив в схватке оружие Дроны, он все же лежит здесь сраженный, словно дерево, унесенное рекой, о Губитель Мадху! Перебив прежде тысячи врагов, великоколесничный боец, отважный Дхриштакету, царь Чеди, все же пал в этой битве! У тела царя Чеди, павшего вместе с войском и со всеми своими родичами, стоят на страже жены, отгоняя клюющих его птиц, о Хришикеша! Положив себе на колени (голову) истиннодоблестного героя, внука царевны дашархов, правителя Чеди, оплакивают его красавицы жены!

А вот, о Хришикеша, прекраснотелый, украшенный чудесными серьгами сын его, которого в сражении иссек многочисленными стрелами Дрона. Как в битве он защищал с тыла своего героя-отца, сражавшегося с врагами, так и сейчас его не покинул, о Губитель Мадху! Вот точно так же и внук мой следовал за отцом: губитель вражеских героев Лакшмана — за мощнодланым Дурьодханой!

Смотри, о Мадхава, вот лежат Винда и Анувинда, царевичи из Аванти, — словно два дерева в цвету, сломанные ветром в конце зимы, — в золотых доспехах и браслетах, в незапятнанно чистых венках, с прекрасными, как у быков, очами лежат они, сжимая в руках мечи и луки со стрелами.

Не суждено, видно, Пандавам умереть, как и тебе, о Кришна, — если сумели вы все уйти живыми от Дроны, Бхишмы, Карны Вайкартаны, Крипы, от Дурьодханы, сына Дроны (Ашваттхамана), от великоколесничного бойца — царя Синдху, от Сомадатты, Викарны и отважного Критавармана — мужей-быков, которые могли бы благодаря мощи своего оружия предать смерти даже богов! Но все они пали в бою: такова превратность Времени! Поистине, для Судьбы нет ничего неисполнимого, о Мадхава, если уж все эти герои, быки среди кшатриев, сражены (другими) кшатриями! Отважные мои сыновья, (можно считать,) погибли уже тогда, о Кришна, когда ты, неудачно закончив дело, вернулся в Упаплавью. В то время сын Шантану и мудрейший Видура говорили мне: «Не привязывайся сердцем к сыновьям своим, кауравам!»

Прозрение этих двух (мудрецов) не может быть ложным — и вот в скором времени мои сыновья и впрямь обращены в пепел, о Джанардана!

Вайшампаяна сказал:

Произнеся эти слова, Гандхари, мучимая горем, пала на землю; отчаяние лишило ее способности различать (окружающее), она утратила власть над собой, о бхарата! Потом скорбь по сыновьям (вновь) обуяла ее, гнев преисполнил тело, и, в смятении чувств, Гандхари принялась обвинять Шаури:

Гандхари сказала:

Сыны Панду и сыны Дхритараштры испепелили друг друга, о Кришна; почему же ты, когда они убивали друг друга, попустил этому, о Джанардана? Обладая многочисленными сторонниками и большим войском, (обладая) одновременно и даром убеждения, и знанием священных текстов, — ты был в силах (предотвратить это). Но ты сознательно попустил погибели рода Куру, о Губитель Мадху, потому именно тебе и придется вкушать плод этого, о мощнодланый! Тем скромным подвижническим пылом, который я накопила в послушании своему супругу, я ныне налагаю на тебя заклетье, о Носитель диска и палицы, чей Атман столь труднодостижим! За то, что ты допустил, чтобы родичи — Пандавы и кауравы — истребили друг друга, тебе суждено стать убийцей собственных родственников, о Говинда! Когда придет тридцать шестой год от сего дня, ты, потеряв родичей, советников, потеряв сыновей, блуждая в лесу, примешь смерть непочтенным образом, о Губитель Мадху! И тогда жены (ядавов), потеряв сыновей, родственников и близких, сойдутся (оплакать) тебя — как сейчас эти жены бхаратов!

Вайшампаяна сказал:

Услышав эти грозные слова, великий духом Васудева сказал, с едва заметной улыбкой, царице Гандхари: «Истребить войско вришни никому не под силу, кроме меня, о прекрасная! Я знаю это, ты же лишь подтвердила, о кшатрийка! Не могут убить их другие люди, ни даже боги и данавы; а потому ядавы сами должны погубить друг друга!» Когда же произнес это Дашарха, трепет охватил Пандавов, преисполнились они тревоги и лишились в жизни всякой надежды.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» двадцать пятая глава.

ЗАКОНЧЕНО «СКАЗАНИЕ О ЖЕНАХ»

СКАЗАНИЕ О ПРИНОШЕНИИ ВОДЫ

Глава 26

Васудева сказал:

Восстань, восстань, о Гандхари, не предавайся скорби. Ведь это по твоей вине истреблены кауравы! Ибо ты (всем) предпочитаешь своего сына, глубоко порочного, завистливого, обуянного безмерной гордыней Дурьодхану; в злодее, (человеке) жестоком, диком в ярости своей, не внемлющем наставлению старших — ты видишь праведника. Зачем же ты собственную вину хочешь переложить на меня! Всякий, кто чрезмерно скорбит об умершем или погибшем, — из одной беды в другую впадает, удваивается его горе!

Для (грядущего) подвижничества вынашивает плод брахманка; скакуна, чтобы ношу носил, — кобылица; слугу (рождает) шудрянка, пастуха — женщина-вайшья. Такие же, как ты, царевны (рождают сына) для (грядущей) смерти в битве.

Вайшампаяна сказал:

Выслушав неприятный ей ответ Васудевы, умолкла Гандхари и (лишь) взглядом выражала (теперь) свою скорбь. А царственный мудрец Дхритараштра, подавив в себе помрачение скорби, рожденное недостатком знания, обратился с вопросом, праведный душою, к Юдхистхире, Царю Праведности: «Тебе известно число воинов, оставшихся в живых: назови мне также и число убитых, если знаешь его, о Пандава!»

Юдхистхира сказал:

Один миллиард шестьсот шестьдесят миллионов и двадцать тысяч человек пало в той царской битве. В живых осталось двадцать четыре тысячи сто шестьдесят пять героев, о Индра царей!

Дхритараштра сказал:

Каким же посмертным путем ушли эти достойнейшие из мужей, о Юдхистхира? Поведай мне, о мощнодланый; ведь ты, я полагаю, всеведущ!

Юдхиштхира сказал.

Те, кто с радостью принесли тела свои в жертву (на огне) величайшей из битв — ушли, истиннодоблестные, в миры, подобные миру Царя богов. Те, кто пали в бою, сражаясь, но без упоения боем, лишь повинувшись мысли «Надо умереть!» — те пошли к гандхарвам. Те, кто на поле брани обратились в бегство, просили (о пощаде), — приняв смерть от меча, пошли к гухьякам. Те великие духом, кто, оставшись без оружия, вынесли от врагов жестокие мучения, кто, запретив себе стыд (бегства), шли в битве прямо на врага, кто, всецело преданные дхарме кшатриев, пали, изрубленные острыми мечами, — те герои, осиянные (славой), направились в обитель Брахмы. А те, кто каким-либо (иным) образом приняли смерть на поле битвы, — те все попали к северным куру, о царь!

Дхритараштра сказал:

Сын мой, силой какого знания ты видишь все это, словно один из совершенных? Скажи мне это, если только мне дозволено услышать, о мощнодланый!

Юдхиштхира сказал:

Некогда по твоему приказу, о почтенный, странствовал я в лесах, совершая паломничество к тиртам; (вот тогда) и была дарована мне эта милость. Я встретил божественного риши Ломашу и от него принял это знание; а «чудесное око» я обрел еще раньше благодаря джняна-йоге.

Дхритараштра сказал:

По совершении должных обрядов, да будут преданы огню тела и тех из народа нашего, у кого есть родственники, и тех, о ком некому позаботиться, о бхарата! Поскольку дела очень много, сынок, мы сами займемся лишь теми, для кого некому исполнить обряд, и теми, кто в этой жизни не разводил своего жертвенного огня. Что же касается тех, чьи тела сейчас растаскивают орлы и стервятники, — они все обретут (посмертные) миры по делам своим, о Юдхиштхира!

Вайшампаяна сказал:

Выслушав это, многомудрый Юдхиштхира, сын Кунти, отдал распоряжения Судхарману, Дхаумье и колесничему Санджае, многосведущему Видуре, каураве Юютсу, всем колесничим и слугам во главе с Индрасеной: «Повелите, почтенные, исполнить для них все заупокойные обряды — чтобы никто не остался без тела из-за того, что некому о нем позаботиться!» Повинуясь приказу Царя Справедливости, достойные Кшаттри и возничий Санджая, Судхарман с Дхаумьей и другие, во главе с Индрасеной, заготовив поленья сандалового дерева, алоэ и калийяка, очищенное коровье масло и масло сезамовое, благовония, шелковые одежды и груды всякого дерева г разбитые колесницы и всевозможное оружие, — со всей тщательностью развели погребальные костры и на них в соответствии со всеми обрядовыми предписаниями, сохраняя полное самообладание, одного за другим, по старшинству предали царей сожжению. На кострах, жарко пылавших от вылитого на них в изобилии жертвенного масла, они сожгли царя Дурьодхану с сотней его братьев, Шалью, царя Шалу, Бхуришраваса, царя Джаядратху и Абхимаңью, о бхарата; сына Духшасаны и Лакшману, и царя Дхриштaketу; Бриханту, Сомадатту и сотню сринджаев; царя Кшемадханвана и Вирату с Друпадой; Шикхандина и панчалийца Дхриштадьюмну из рода Пришаты; доблестного Юдхаманью и Уттамауджаса; царя Косалы и сыновей Драупади; Шакуни и сына Субалы; Ачалу, Вришаку и царя Бхагадатту; Карну Вайкартану вместе с его неукротимым сыном; великих лучников Кекаев, великоколесничных тригартгов; Гхатоткачу — Индру ракшасов, а также брата Баки; царя Аламбусу и царя Джаласандху; а также сотни и тысячи других царей, о царь!

Для некоторых из великих духом царей справляли питримедху, для других пели саманы, по третьим причитали. От грома саманов и ричей, от рыдания женщин в ту ночь все живое впало в оцепенение. Бездымно пылающие очистительные огни сияли (в окружающем их мраке) словно светила на небе в окружении туч. По воле Дхритараштры распорядился Видура, чтобы тела всех (героев), явившихся сюда из разных (дальних) стран и не имеющих родственников, которые бы о них позаботились, были собраны, сложены тысячами в груды; затем множество (людей), исполненных участия, но сохранивших самообладание, предало их сожжению. Совершив для них все необходимые обряды, царь куру Юдхиштхира поставил во главе (процессии) Дхритараштру и двинулся по направлению к Ганге.

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» двадцать шестая глава.

Глава 27

Вайшампаяна сказал:

Достигнув благодатной, посещаемой святыми людьми, богатой заводами, с пологими, покрытыми лесом берегами, многоводной Ганги, сбросив с себя украшения, верхние части одежд и головные уборы, все женщины рода куру, тяжело страдая, рыдая, для своих отцов, внуков, братьев и родичей, сыновей, дедов, а также супругов совершили возлияния воды; сведущие в дхарме, исполнили они водный обряд для (павших) друзей. В то время, когда жены героев совершали там приношения воды для своих мужей, Ганга стала (для их удобства) мелководной, как брод, а потом вновь потекла мощным потоком. Берега Ганги, на которых толпились жены героев, были прекрасны и подобны (бескрайней ширью) великому океану, но при этом безрадостны и лишены веселья. И вот Кунти, о великий царь, испытав внезапный прилив скорби, зарыдала и слабым голосом обратилась к сыновьям с такими словами: «Сей герой, великий лучник, вожак вожakov, предводительствующих стадами боевых колесниц, отмеченный (всеми) знаками доблести, сраженный в битве Арджуной, — тот, кого вы считали Сыном возницы и называли Радхеей, сыном Радхи, о Пандавы; тот, кто сиял среди битвы, словно владычный Творец дня, кто прежде мог один противостать вам всем вместе с вашими сторонниками, кто сиял величием, возвышаясь над войском Дурьодханы; тот, кому на всей земле нет равного в доблести, кто честен, отважен и в битвах никогда не обращался в бегство, — этот вершитель незапятнанных деяний должен быть почтен вами возлиянием как родной брат! Ведь это и есть старший брат ваш, рожденный мною от Творца света и в своих золотых серьгах и панцире сиявший, подобно (своему отцу), Творцу дня!»

Услышав поразившие их слова матери, Пандавы преисполнились еще горшей муки и принялись дружно оплакивать Карну. А отважный сын Кунти, муж-тигр Юдхиштхира, вздыхая тяжело, словно большой змей, сказал матери: «Лавины его стрел не мог выдержать никто, кроме Завоевателя богатств; бывши семенем бога, как стал он сыном твоего, о госпожа, лона? Пламенная мощь его рук неустанно жгла нас повсюду; как же ты в себе его сокрыла - ведь легче огонь прикрыть одеждой! Перед грозной мощью его рук преклонялись сыны Дхритараштры. Ни один другой колесничный боец, кроме Карны, сына Кунти, не мог противостать (разом стольким) колесничным бойцам! И этот превосходнейший среди носителей всевозможного оружия — наш первородный брат! Как случилось, что прежде (нас) ты родила столь дивнодоблестного (героя), о почтенная? Увы, госпожа, скрыв от нас эту тайну, ты нанесла нам жестокий удар! Теперь мы, со всеми нашими родственниками, тяжело скорбим из-за гибели Карны! Это горе терзает меня в сто раз сильнее, чем гибель Абхимаңью, чем убийство сыновей Драупади, чем истребление панчалийцев и падение всего рода Куру! Скорбь о Карне жжет меня так, словно я ввергнут в костер! Ведь (в союзе с Карной) для нас не было бы ничего недостижимого, даже из того, что находится на небесах! И не было бы этой страшной бойни, столь губительной для рода Куру!» Так неумолчно оплакивал (Карну) Царь Справедливости, Юдхиштхира; медленно, то и дело принимаясь причитать, совершил для него владыка возлияния воды. И внезапно вопль его подхватили все мужчины и женщины, собравшиеся там, чтобы присутствовать при обряде (насыщения Карны) водою. Затем мудрый царь куру Юдхиштхира из любви к брату велел привести к нему жен Карны со всеми домочадцами и с ними вместе, благочестивый, совершал без перерыва все необходимые обряды для усопшего, после чего в смятении чувств вышел из вод Ганги (на берег).

Такова в «Книге о женах» великой «Махабхараты» двадцать седьмая глава.

ОКОНЧЕНО «СКАЗАНИЕ О ПРИНОШЕНИИ ВОДЫ»

ОКОНЧЕНА «КНИГА О ЖЕНАХ»